

АЛИСА
ЛИНДНЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЕЛКА
С ХОЗЯИНОМ 2

18+

Алиса Линней

Сделка с Хозяином 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68979456

SelfPub; 2023

Аннотация

Заключая сделку с Хозяином, я и подумать не могла, что все мои желания обернутся против меня. Человек, которого я боялась до одури вдруг превращается для меня в лучшего мужчину на свете. Страшно теперь только одно – потерять его. Но не стоит винить в жестокости судьбу, когда любимый обладает этим качеством в полной мере. Он отсылает меня за тысячи километров, не скрывая даже, что мы расстаёмся навсегда. Если бы не известие о моей беременности, я не знаю, как бы справилась с этой болью. Естественно, что рассказывать будущему отцу о ребёнке я не собираюсь, потому что малыш будет только мой. Гордо ношу со своим решением, пока не узнаю, что жизнь Игоря в опасности. Бросаю всё и мчусь к нему, хотя ещё понятия не имею, чем могу помочь.

Содержание

Глава 1. Ника	4
Глава 2. Ника	14
Глава 3. Ника	35
Глава 4. Ника	49
Глава 5. Игорь	61
Глава 6. Игорь	70
Глава 7. Ника	79
Глава 8. Игорь	91
Глава 9. Игорь	100
Глава 10. Игорь	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алиса Линней

Сделка с Хозяином 2

Глава 1. Ника

Прошла почти неделя с того дня, как я узнала, что у меня будет ребёнок, но я до сих пор не могу привыкнуть к этой мысли.

Сердце замирает от счастья, когда я представляю своего малыша. Мне даже без разницы, кто это будет, девочка или мальчик. Главное он будет.

В тот же вечер, когда Илона привезла меня к себе домой, она попросила взять младшую группу под своё руководство. Тем более выяснилось, что и опыт у меня уже имеется.

После окончания колледжа, как только я переехала на север, то устроилась во Дворец Творчества и целых полгода руководила танцевальным кружком.

Образования преподавателя у меня, конечно, нет, но Илона говорит, что пока и хореографического достаточно.

Вообще, меня снова всё устраивает в моей жизни, теперь даже больше, чем неделю назад. Даже начинает казаться, что всё налаживается.

В “Ундине” я нахожусь по два-три часа в день. Иногда остаюсь подольше и помогаю Илоне с документацией или

смотрю репетицию группы.

К урокам с детьми я готовлюсь дома, почему-то у меня так лучше получается сосредоточиться.

Мои мысли теперь заполняют совсем другие заботы, их даже проблемами не назовёшь. Например, когда я иду в торговый центр, чтобы купить, какую-нибудь нужную вещь для дома, мне сложно пройти мимо детского отдела с вещами и игрушками. Хочется накупать ещё не родившемуся малышу всего, начиная с ярких вещей и вплоть до колясок с качелями.

Запрет на карту Игоря, я для себя уже сняла, хотя ещё ничего с неё не потратила. Да, пусть он не знает о будущем ребёнке, но это не освобождает его от родительских обязанностей.

Не помню, чтобы я была транжирой, наоборот всегда жила экономно. Сейчас всё изменилось и больше всего на свете хочется, чтобы мой ребёнок ни в чём не нуждался.

Есть много причин, которые останавливают меня от преждевременных покупок, но это же всё временно.

Напрягает, какой-нибудь неожиданный визит Дена с Лизой и их вопросы по поводу игрушек. Мне и так пришлось прятать витамины по шкафам, когда они недавно заявили.

Это не значит, что я Денису не доверяю, но он же ещё совсем мальчишка. И я не представляю, что может произойти, если его мать или Руслан узнают о моей беременности. Даже безобидных разговоров я с ними не хочу, не говоря уже о

том, на что они способны. Как минимум попытаются рассказать всё Игорю, скорее всего, в какой-нибудь извращённой форме и разрешения у меня спрашивать явно не станут.

Возможно я перебарщиваю, защищаясь от всех подряд, кто вовсе не опасен, но мне так спокойней.

Мне даже Илона кажется подозрительной со своей гипе-ропеккой. По десять раз за день интересуется, как я себя чувствую и это уже не смешно.

Сегодня, вообще при всех меня отчитывает за то, что я детям поклон показала. Я не выясняю отношения, при взрослом составе “Ундины”, только чтобы не подорвать её авторитет руководителя, но вечером всё же иду к ней в кабинет.

– Может объяснишь, что всё это значит? – стоя перед письменным столом Илоны, со сложенными на груди руками, я осознаю, что вид у меня угрожающий. Ещё дней десять назад, я бы ничего подобного себе не позволила, но всё меняется.

– Не понимаю, о чём ты? – удивлённо смотрит на меня, будто не узнаёт.

– Я признательна за всё, что ты для меня делаешь, но это не значит, что ты получила право, диктовать каждый мой шаг, – сдерживаясь изо всех сил, говорю я. – Это я беременная и это мой ребёнок! Я сама буду решать, что мне можно, а что нельзя! – напоминаю, уже повышая голос.

– В чём проблема, Ника? – спрашивает в замешательстве, уже догадываясь, что я не шучу.

– Это ты мне скажи, а то я много чего уже напридумывала, – со злой усмешкой предупреждаю я.

– Ты меня заинтриговала, – с улыбкой подначивает Илона.

– Очень удобно свести всё на приколы, но в этот раз не выйдет, – даю ей время, чтобы высказала свою версию. – Ты, наверное, не удержалась и всё же обрадовала Игоря, рассказала, что он скоро станет отцом, – выдаю одну из своих фантазий. – Теперь отчитываешься по телефону, как заботишься тут обо мне, – продолжаю озвучивать свои предположения. Не верю я этой блондинистой красотке, которая выглядит моложе, лет на пятнадцать своего реального возраста. Она, просто делает вид, будто не жалеет, что упустила Игоря. – Или у тебя другие, далеко идущие планы? – делаю вид, что мне интересно, но на самом деле, надеюсь, что она меня остановит и переубедит.

– Глупости, какие-то, – косится на меня настороженно. – Кстати, Наталья звонила, сказала, что анализы у тебя хорошие, – Илона явно пытается меня задобрить, но на меня это действует в точности до наоборот.

– Завтра же поеду и встану на учёт в другую клинику, чтобы насчёт моих анализов, звонили только мне! – я разворачиваюсь и направляюсь к двери.

– Ника! Подожди! – кричит мне в спину, но я иду дальше. – Стой! – хватает меня за локоть и я тут же выдёргиваю руку. – Я сделала аборт в двадцать три! – после этих слов я замираю и не шевелюсь.

– Что? Зачем? – от неожиданности, начинаю задавать вопросы невпопад.

– Наверное, чтобы потом жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, – обречённо отвечает Илона. – Паша тогда был с головой погружён в свою работу, а хирургия требует много внимания, да мы ещё и не женаты были. Я испугалась, решила, что если рожу, то так и останусь в его тени, не смогу ничего добиться с ребёнком на руках, – потухшим голосом продолжает свой рассказ. А я в этот момент забываю уже, с чего начались мои психи и придирки. – А неделю назад, когда я своими глазами увидела, как ты не задумываясь, приняла решение рожать, не имея гарантий от Игоря, ни от кого-то, вообще, то поняла, что нет мне оправданий. Хотела заботиться о тебе и будущем малыше, но взяла всё испортила, – усмехается самоиронично.

– Слушай, твои откровения меня аж с ног сбивают, – признаюсь, набирая в грудь воздуха. – И ничего ты не испортила. Просто, надо убавить “курицу наседку”, а то многовато этой заботы получается, задыхаюсь я в ней, – объясняю, уже спокойно. – Подбросишь меня до дому? – спрашиваю, чтобы Илона вдруг не почувствовала себя ненужной.

– Конечно, на улице уже темень, – оживает, снова излучая позитив.

Добравшись до своей квартиры, вечером долго лежу в постели, пялясь в потолок, потому что не могу уснуть. Из головы никак не вылезает история Илоны, про её неродившегося

ребёнка.

Не сужу свою начальницу, даже мысли нет и так видно, что она наказывает себя раскаянием.

Назавтра чувствую себя невыспавшейся. Впервые, наверное, провожу занятия, не получая никакого удовольствия.

Заглядываю в большой зал, только для того, чтобы предупредить Илону, что ухожу домой.

– Вялая ты сегодня, – подмечает ненавязчиво.

– Есть немного, – соглашаюсь.

– Наталья тебя на приём записала во вторник, в день беременных, – смотрю на неё нахмуриваясь, не очень понимая о чём речь. – Ты же беременная, – музыка в эту минуту затихает и последние слова звучат громко.

– Спасибо, что напомнила, но я и так знаю, – усмехаюсь я, застёгивая замок на куртке.

– Ника? – узнаю голос Дениса совсем рядом и сразу догадываюсь, что он всё слышал.

– А ты, что здесь делаешь? – спрашиваю, не скрывая даже, что нервничаю.

– Ты реально, что ли беременная? – не обращая внимания на мой вопрос, он тут же задаёт свой.

– Денис, послушай, ты только не говори никому, – беру его под руку и тяну в коридор.

– А бабе Насте? – уточняет хмурясь. – А то она ждёт нас внизу, в фойе, – добавляет скашивая на меня глаза.

– Ни-ко-му, пожалуйста, – испуганно прошу снова.

– Ладно, понял, не дурак. Молчу, как рыба об лёд, – шутит, переиначивая поговорку.

– А что Анастасия Мироновна здесь делает? – спрашиваю спохватившись.

– Поговорить с тобой хочет, – отвечает, когда мы заходим в лифт. – Тут такое дело, Игорь трубку не берёт и, вообще, на связь не выходит, а у него вчера днюха была, – улавливаю до боли родное имя и сердце начинает бешено колотиться, а ладони в карманах становятся влажными.

– Может праздновал и телефон, где-нибудь потерял, – выдаю свои предположения с равнодушным видом, в которые сама слабо верю.

– Значит дядька не в курсе, что ты беременная, – озвучивает свою догадку и я подтверждаю, отрицательно мотая головой.

– Ты обещал мне, – напоминаю про наш секрет на выходе из лифта.

– Здравствуй, Никуша, а мы с Денисом не смогли до тебя дозвониться, – не давая мне опомниться тараторит Анастасия Мироновна, и я, не сдерживая улыбку, залажу рукой в сумку, за телефоном.

– Оказывается разрядился, – виновато показываю гаджет с потухшим экраном.

Ден провожает нас до моей квартиры, потому что они приехали не с пустыми руками. Ставит пакеты в прихожей, но потом глядя на меня, заносит их в кухню. Возвращается мол-

ча к входной двери.

– Сразу уходишь? Чаю хотя бы попей, – удивляюсь, подключая телефон к зарядке.

– Не могу, я Лизе обещал, что сегодня к ней приеду, – смотрит на настенные часы, видимо торопится. – Ты позвони мне, если Игорь объявится, – просит, стоя уже в подъезде.

– Хорошо, – соглашаюсь и закрываю дверь.

– Никуша, ты извини, что я вот так, без предупреждения нагрязнула. Сердце у меня не на месте, да я и не знаю, к кому, кроме тебя за помощью обратиться, – говорит Анастасия Мироновна. Наверное, неуютно себя чувствует, озирается.

– Правильно сделали, что приехали, хотя я не представляю, чем могу быть полезна, – ни одной путней идеи не мелькает в голове, только беспокойство усиливается, видимо переживания матери Игоря передаются.

– Ты ведь тоже в этом городе жила, может у вас есть общие знакомые? – спрашивает с надеждой.

– Попробую, просто я не уверена, что это даст результат, – иду к ещё толком не зарядившемуся телефону и не отцепляя его от провода, звоню Лёшке.

Скомкано объясняю, кому и зачем понадобился Клим. Брат обещает, что съездит сам к “Ромычу” и узнает в чём дело.

– Ты только при Игоре не говори, что это я им интересуюсь, придумай, чего-нибудь, – всё ещё оберегаю, свою пострадавшую гордость. И я не верю, что с таким крутым ав-

торитетом, как Хозяин, могло, что-то случиться.

Анастасия Мироновна, наверное, так же, как и Илона думает, что Игорь бизнесом занимается. Даже не догадывается, что он далеко не последний человек в криминальном мире.

Пусть она и дальше живёт в своём счастливом неведении, я её разубеждать не собираюсь, но от этого легче добыть информацию о Хозяине не становится.

У них же там всё засекречено и если окажется, что нельзя разглашать, то Рома будет молчать, хоть сам президент позвони, а не то что я.

– Я понимаю, Никуша, сын тебя обидел, но я уверена, что он защищать тебя пытается, – вдруг выдаёт Анастасия Мироновна. – Игорь не признаётся, но я-то знаю, он до сих пор себя винит в гибели Олеси, – в этот момент я настораживаюсь и превращаюсь вся в слух. Понятия не имею, о ком идёт речь, но скорее всего это и есть, та самая, несчастная любовь Клима. Я ведь ещё тогда догадалась, что не могла она его бросить, значит умерла.

Не успеваю открыть рот, чтобы расспросить поподробней, как телефон начинает надрываться, звонит, моей любимой мелодией.

Мама Игоря смотрит на мой гаджет встревоженно, а я глядя на экран, разочарованно понимаю, что Илона, как всегда не во время.

Собираю всю свою выдержку в кучу и спокойным тоном отвечаю своей начальнице. Говорю, что со мной всё в поряд-

ке и заверяю, что завтра я ей обязательно перезвоню.

– А кто это, Олеся? – возвращаясь обратно за кухонный стол, спрашиваю я.

Глава 2. Ника

– Она жена Игоря была, они со школы ещё не разлей вода, – после слов Анастасии Мироновны начинаю чувствовать себя ненужной и чужой. Понимаю, что нельзя показывать свои обиды, иначе я так ничего не узнаю. – Весь этот кошмар в его выпускной случился, сын Олесю пошёл провожать, а эти трое ждали их уже у пустыря, – сглатываю противный ком, который встал в горле от страха и хмурясь, жду продолжения. Ясно, что матери, в разы тяжелей такое рассказывать и я беру себя в руки. – Один из говнюков был прокурорский сынок, его папаша к нам в станицу сослал, к матери своей. Сам-то уже видать не справлялся, зато все выходы, своего отпрыска прикрывал по полной. Чего бы этот Коля не натворил, ему всё сходило с рук, – в другой ситуации, я бы даже посмеялась над забавными обзывалками бывшей учительницы, но не сейчас. – То, что случилось тогда, не происходит в одночасье. Колька редкостный засранец и естественно, Игоря он до этого в школе доставал, потому что сын не подчинялся ему, – в интонации Анастасии Мироновны, угадывалась гордость. – Но в школе, их стычки, мы пресекали сразу, а тут не доглядела, – казалось, что она и себя тоже винит. – Игорь избил их за то, что они Олесю начали оскорблять и угрожали, что изнасилуют её троём, а сына свяжут и смотреть на это заставят, – не удержавшись от вскрика,

я прикрываю рот ладонью и уже почти уверена, что Игорь убил, кого-то за такое. Да и одиннадцать лет, это слишком большой срок, вряд ли столько за драку дают. – Это Олеся на суде говорила, – уточняет источник. – Двое дружков, которые с Колькой тогда были, сбежали, когда сын начал их бить. Самого прокурорского сынка в реанимацию увезли и едва откачали, – Анастасия Мироновна потупила глаза в пол, а я неосознанно выдохнула. – Восемь лет Игорю присудили и отправили на “край света”, – устало добавляет она, а у меня вопросов стаёт ещё больше.

– Может чаю? Не знаю, как вы, а я голодная. Так что придётся вам составить мне компанию, – нам нужен был перерыв и я поставила на плиту воду в кастрюле, чтобы сваритьпельмени.

Не обязательно уметь читать мысли и так было понятно о чём именно мы думаем. Несколько минут сидим молча, мой мозг быстро пытается обрабатывать услышанное, потому что это же ещё не всё.

– Многие тогда отвернулись от нашей семьи, я даже подумала, что может и хорошо, что Женя не дожил до этого, – догадываюсь, что это отец Игоря и замечаю, как глаза у Анастасии Мироновны заблестели от надвигающихся слёз. – Представляешь, общались с человеком десять лет, я у детей его уроки вела, а тут, бах! Он, просто, проходит мимо, будто знать тебя не знает, – усмехается грустно и удивляется такому явлению, как человеческая подлость, качая головой.

– Да уж, у нас, когда папу посадили, мы тоже всякого натерпелись. Я, конечно, маленькая была, по-крайней мере, в семь-восемь лет, не очень понимала, почему некоторым девочкам, мамы со мной дружить не разрешают, – поддерживаю, рассказывая свою историю, потому что не по наслышке знаю, что такое быть изгоем. – Зато, когда папа вернулся, всё встало на свои места. Не сразу, естественно, – тороплюсь “подсластить пилюлю”, замечая жалость в глазах Анастасии Мироновны.

– Так даже Вера, мать Олеси, пыталась запретить дочери, ко мне приходите, – выдаёт на эмоциях.

– Но она же не послушала? – вырывается невольно. Очень не хочется, чтобы и Олеся оказалась предательницей, пусть даже её уже нет в живых.

– Нет, не послушала, – её черты лица тут же смягчаются и от улыбки, в уголках глаз морщины стают глубже. – В то время, Олеся мне вместо дочери была, потому что даже Таня от нас шарахалась или заезжала, чтобы обвинить во всех бедах, – в эту минуту я мысленно сравниваю Анастасию Миронову со своей мамой и понимаю, что разница между ними колоссальная.

Наверное, открытость, это особенность южных женщин. Порой я даже начинаю побаиваться прямоты и откровенности с которой здесь сталкиваюсь.

Моя мама коренная сибирячка, поэтому она, да и я тоже, эмоции экономим.

Тут сплошь и рядом все искренние, что иногда даже подозрения закрадываются. Взять хотя бы Лизу с её восхищением, она ещё молодая совсем, а всё туда же. Для меня это дико, как-то.

Мне вдруг становится интересно, а Игорь такой же был до того, как его в тюрьму посадили?

По важности этот вопрос не на первом месте, увы, поэтому вслух не спрашиваю.

Вздрагиваю от громкой мелодии, которая неожиданно играет на моём телефоне.

Резко подскакиваю и бегу к гаджету, хочется быстрее узнать, что с Игорем всё в порядке.

На экране действительно высвечивается имя брата и я с сильно колотящимся сердцем отвечаю на звонок.

Сосредоточенно слушаю Лёшку. Он оправдывающимся тоном признаётся, что ему пришлось сказать Роме, кто на самом деле спрашивает про Клима.

Мне же, пару часов спустя, кажется детской глупостью, собственная просьба.

– Что-то случилось, да? – тихо спрашивает Анастасия Мироновна, когда я снова сажусь на табуретку.

– Я не знаю, – отвечаю честно, поднимая на неё глаза. – Лёшка нашёл Рому, но тот ему не сказал, что с Игорем, – до этого я ей рассказывала, что мой младший брат остался в северном городе доучиваться.

– А Рома это, кто? – осторожно интересуется встревожен-

ная мать.

– Он самый близкий друг Игоря, – говорю задумчиво и не могу понять, что именно в словах брата меня насторожило.

– Вот видишь, ты знаешь его друга, а я нет, – подмечает она, улыбаясь натянуто.

– Он его, почему-то Бодрым называет, – продолжаю разговор ни о чём, будто это сейчас имеет значение. Видимо инстинктивно пытаюсь отогнать страх за Игоря, который уже пробирается под кожу. Мне реально становится жутко от того, что я могу его больше не увидеть.

– У них же там прозвища и клички на первом месте. Наверное, это Рому, как-то характеризует, – цепляется Анастасия Мироновна за нейтральную тему и скользит невидящим взглядом по кухонным шкафам. – Сына тоже, Климом называют, я слышала, когда на свидание к нему в зону приезжала. Сократили фамилию и новое имя получилось, – говорит, едва заметно улыбаясь. – Знаешь, Никуша, ты можешь думать, что я выгораживаю Игоря, возможно так и есть, ведь он мой сын, как иначе-то. Но лично я нигде больше не слышала, чтобы жизнь так издевалась над человеком, как над ним. Невольно задаёшься вопросом: “Для чего так жить?” – вот опять эти откровения, от которых аж затылок стягивает. – Ты, прости, меня за эту слабость, но для одного, чересчур много бед. Если твой брат, что-то сказал, ты не молчи, девочка, скажи. Я должна знать, что с Игорем, – просит Анастасия Мироновна и смотрит на меня умоляющими глазами.

– Рома сказал Лёшке, что сам мне перезвонит позже, но.., – осекаюсь, решая оставить догадки при себе.

– Пожалуйста, – пронизывает неморгающим взглядом.

– Думаю, это дежурная отговорка и он не собирается мне звонить, – озвучиваю свои подозрения.

– Раз пообещал, значит сделает, у них не принято разбрасываться словами, – так странно, что учительница литературы, напоминает мне о законах порядочных арестантов, но это работает и я действительно начинаю верить, что Рома позвонит мне.

– А ещё мне показалось, что Лёшка, что-то недоговаривает, – делюсь своими ощущениями.

– Нужно набраться терпения и ждать. Друг Игоря обязательно всё прояснит, – только сейчас я замечая, что этой мудрой и отважной женщине тоже очень страшно.

– Ладно, – втягиваю носом воздух и отпиваю остывший чай. Понимаю, что надо, чем-то отвлечься от этого разговора, но никак не могу придумать, что-то стоящее. – Почему Игорь винит себя в смерти Олеси? Что с ней случилось? – вдруг хочется узнать, что произошло двенадцать лет назад. Теперь я готова, хотя уже догадываюсь, что будет жёстко. Если уж придётся держать удар, то надо знать, что там было на самом деле.

А ведь в какой-то момент, я даже пыталась забыть этого крутого Хозяина, лишь бы держаться подальше, от всего того треша, который был в его жизни. У него почти получилось

убедить меня в этом.

– Игоря сначала в колонию для несовершеннолетних отправили, сразу же после суда. Ему же ещё восемнадцать не было, – Анастасия Мироновна настороженно вглядывается в моё лицо. Она скорее всего специально начала рассказывать издалека, чтобы успеть распознать мою реакцию и во время остановиться. – А Олесе, вообще, шестнадцать было. Дети совсем ещё, – выдыхает заботливо, а я затыкаю “глотку”, своей проснувшейся ревности, представляя, какими они были.

“Наверное, как Денис с Лизой”, – думаю я и тут же мысленно на себя наезжаю, за такое сравнение. Пусть суеверной глупо быть, но хочется, чтобы у Дена с его девчонкой, всё хорошо сложилось.

– В ноябре, сына перевезли на зону, а Олесе даже общего свидания было не положено, потому что официально-то она Игорю никто, – поясняет, видимо за долгие годы научилась разбираться в этой системе. – Они тогда больше года не виделись, и я в глубине души, надеялась, что пройдут чувства у девчонки. Думала, что там любовь-то ещё детская, забыла бы и может другого бы встретила. Жалко её было очень, – признаётся Анастасия Мироновна. – Но они не сдались, зарегистрировали брак, прямо в зоне, как только Олесе восемнадцать исполнилось, – отвожу глаза, чтобы не показывать, как тяжело мне слушать про эту влюблённую парочку. Хочется пропустить лирическое отступление и перейти к самой сути.

Какое-то время мама Игоря молчит, и я не мешаю ей со-

браться с мыслями. Естественно замечаю, что нелегко женщине, этот разговор даётся. Кажется, что она постарела лет на двадцать, всего за пару часов.

– Деньги сын начал нам отправлять ещё до того, как они с Олесей поженились. Так что, никакие передачи мы Игорю больше не собирали и с баулами не таскались, он избавил нас от этого, – не похоже было, что она гордится его прошлыми достижениями, просто не могла не упомянуть. – Олеся поступила в университет, на экономиста учиться, очно. Её учёбу тоже Игорь оплачивал, но нам объяснять, где деньги берёт, он не торопился, – догадывается, конечно, что такие серьёзные суммы не с потолка сыпались, но вслух ничего не говорит. Я же для себя убеждаюсь окончательно, что Клим ещё с зоны с криминалом связан. – Сначала Олеся, раз в пол года ездила к Игорю на свидание, потом чаще стала. Здоровенные парни приезжали прямо к дому, на дорожке иномарке и увозили её в аэропорт, там встречали тоже на машине и доставляли уже до места и так каждые три месяца. Возвращалась счастливая, рассказывала, что комната свиданий, как номер в дорогой гостинице, если на решётки не смотреть, – качает головой, будто отказывается верить, что это было всё наяву. – У меня редко получалось ездить к сыну, из школы отпускали неохотно, а прогуливать работу я не привыкла. От провожатых таких я тоже отказалась, а деньги, которые сын присылал, я Татьяне отдавала. Ей нужней, у неё мальчишки росли, – Анастасия Мироновна не оправдывает-

ся и Игоря не судит, но чем дальше она рассказывает, тем обречённее становится её лицо. – Конечно, в отличии от меня Олесе очень нравилась вся эта роскошь и внимание. Она же глупенькая, кроме станицы-то нашей, ничего путём не видела. Однажды плакала, когда рассказывала, как уговаривала Игоря на ребёнка. Он не согласился, не хотел, чтобы его дитё, без него росло, – после этих слов, сердце у меня сжалось и я быстро опустила глаза, чтобы Анастасия Мироновна ничего не заметила по взгляду. – Срок тогда у сына уже заканчивался, когда он позвонил и просил помочь уговорить Олесю не ездить на последнее свидание, – её голос дрожит и я чувствую, как противные мурашки разбегаются по телу, предвещая мне минимум стресс. А ещё мне вдруг чудится, что я знаю эту страшную историю, но тут же отгоняю навязчивую мысль. – Не понимаю, с чего Игорь взял, что она меня послушает. Олесья отмахнулась от моих доводов и сделала по-своему, – в этот момент вспоминаю, какую я истерику закатила, когда он отправлял меня сюда. Если бы Игорь решил спросить моё мнение, то я бы тоже никуда не согласилась уезжать от него. Видимо со своей женой Клим не захотел так обращаться, как со мной, без всяких компромиссов и от этого понимания, обида снова подступает комом к горлу. – Сын отзвонился мне, когда Олесья приехала к нему и я даже вздохнула с облегчением, – молчит около минуты, наверное, настраивается на что-то. – Потом этот звонок с номера Игоря. Мужчина сообщил мне, что Олесья сгорела за-

живо на КПП. Было короткое замыкание и охрана не позволила открыть решётки, потому что не положено по технике безопасности, – чёткое ощущение, будто в помещении резко исчез весь кислород и мне стало нечем дышать. Я, как рыба открываю рот, но говорить не получается, кажется, что шею сдавило стальными обручами. Чувствую, как щёки становятся мокрыми и наконец всхлипываю.

– Господи! Как такое, вообще, возможно, – мой голос звучит хрипло и жалобно.

– Никуша, тебе плохо? – Анастасия Мироновна кидает на меня быстрый взгляд и подсакивая с табуретки, наливает в стакан воды. Она, наверное, думает, что меня так смерть Олеси шокировала, но я её уже давно пережила. Может это цинично с моей стороны, но ей ведь уже не больно, она умерла. Нет разницы, кто и что про меня думает, потому что я и есть, настоящий бесчувственный монстр. – Пей, – напуганная женщина суёт мне воду и я послушно выпиваю.

– Представляете, я рассказывала эту историю Игорю, – со слезами восстанавливаю всю последовательность событий. Начиная от подслушивания родительского разговора про гибель девушки и потом, как я поделилась этим трешем с ним. – У него даже ни один мускул не дрогнул, – оправдываюсь, сдерживая рыдания. Я, как будто покалупалась пальцем в его кровоточащей ране, а потом ещё солью посыпала. В итоге Игорю пришлось извиняться передо мной за то, что его слова мне грубыми показались. После этих воспомина-

ний начинаю реветь в голос.

– Тише, тише, моя хорошая, – Анастасия Мироновна гладит меня по растрепавшимся волосам, но никаким спокойствием даже и близко не пахнет.

– Как он такое выдержал? – спрашиваю заикаясь. Кажется, что Игорю достались, какие-то нечеловеческие ресурсы.

– Я сына только через пол года смогла увидеть, после смерти Олеси и то на краткосрочном свидании. Посмотрела в его глаза и обомлела. Игорь был похож на живого мертвеца. Я тогда была уверена, что он похоронил себя, мысленно, вместе с женой, – говорит, продолжая успокаивать меня.

Слёз нет больше, сижу, глядя в одну точку. Тело до сих пор, как деревянное и в голове усваивается далеко не всё, что я сегодня услышала от мамы Игоря.

– Она жена Игоря была, они со школы ещё не разлей вода, – после слов Анастасии Мироновны начинаю чувствовать себя ненужной и чужой. Понимаю, что нельзя показывать свои обиды, иначе я так ничего не узнаю. – Весь этот кошмар в его выпускной случился, сын Олесю пошёл провожать, а эти трое ждали их уже у пустыря, – сглатываю противный ком, который встал в горле от страха и хмурясь, жду продолжения. Ясно, что матери, в разы тяжелей такое рассказывать и я беру себя в руки. – Один из говнюков был прокурорский сынок, его папаша к нам в станицу сослал, к матери своей. Сам-то уже видать не справлялся, зато все выходы, своего отпрыска прикрывал по полной. Чего бы этот

Коля не натворил, ему всё сходило с рук, – в другой ситуации, я бы даже посмеялась над забавными обзывалками бывшей учительницы, но не сейчас. – То, что случилось тогда, не происходит в одночасье. Колька редкостный засранец и естественно, Игоря он до этого в школе доставал, потому что сын не подчинялся ему, – в интонации Анастасии Мироновны, угадывалась гордость. – Но в школе, их стычки, мы пресекали сразу, а тут не доглядела, – казалось, что она и себя тоже винит. – Игорь избил их за то, что они Олеся начали оскорблять и угрожали, что изнасилуют её троём, а сына свяжут и смотреть на это заставят, – не удержавшись от вскрика, я прикрываю рот ладонью и уже почти уверена, что Игорь убил, кого-то за такое. Да и одиннадцать лет, это слишком большой срок, вряд ли столько за драку дают. – Это Олеся на суде говорила, – уточняет источник. – Двое дружков, которые с Колькой тогда были, сбежали, когда сын начал их бить. Самого прокурорского сынка в реанимацию увезли и едва откачали, – Анастасия Мироновна потупила глаза в пол, а я неосознанно выдохнула. – Восемь лет Игорю присудили и отправили на “край света”, – устало добавляет она, а у меня вопросов стаёт ещё больше.

– Может чаю? Не знаю, как вы, а я голодная. Так что придётся вам составить мне компанию, – нам нужен был перерыв и я поставила на плиту воду в кастрюле, чтобы сварить пельмени.

Не обязательно уметь читать мысли и так было понятно о

чём именно мы думаем. Несколько минут сидим молча, мой мозг быстро пытается обрабатывать услышанное, потому что это же ещё не всё.

– Многие тогда отвернулись от нашей семьи, я даже подумала, что может и хорошо, что Женя не дожил до этого, – догадываюсь, что это отец Игоря и замечаю, как глаза у Анастасии Мироновны заблестели от надвигающихся слёз. – Представляешь, общались с человеком десять лет, я у детей его уроки вела, а тут, бах! Он, просто, проходит мимо, будто знать тебя не знает, – усмехается грустно и удивляется такому явлению, как человеческая подлость, качая головой.

– Да уж, у нас, когда папу посадили, мы тоже всякого натерпелись. Я, конечно, маленькая была, по-крайней мере, в семь-восемь лет, не очень понимала, почему некоторым девочкам, мамы со мной дружить не разрешают, – поддерживаю, рассказывая свою историю, потому что не по наслышке знаю, что такое быть изгоем. – Зато, когда папа вернулся, всё встало на свои места. Не сразу, естественно, – тороплюсь “подсластить пилюлю”, замечая жалость в глазах Анастасии Мироновны.

– Так даже Вера, мать Олеси, пыталась запретить дочери, ко мне приходите, – выдаёт на эмоциях.

– Но она же не послушала? – вырывается невольно. Очень не хочется, чтобы и Олеся оказалась предательницей, пусть даже её уже нет в живых.

– Нет, не послушала, – её черты лица тут же смягчаются

и от улыбки, в уголках глаз морщины становятся глубже. – В то время, Олеся мне вместо дочери была, потому что даже Татьяна от нас шарахалась или заезжала, чтобы обвинить во всех бедах, – в эту минуту я мысленно сравниваю Анастасию Миронову со своей мамой и понимаю, что разница между ними колоссальная.

Наверное, открытость, это особенность южных женщин. Порой я даже начинаю побаиваться прямоты и откровенности с которой здесь сталкиваюсь.

Моя мама коренная сибирячка, поэтому она, да и я тоже, эмоции экономим.

Тут сплошь и рядом все искренние, что иногда даже поздравления закрадываются. Взять хотя бы Лизу с её восхищением, она ещё молодая совсем, а всё туда же. Для меня это дико, как-то.

Мне вдруг становится интересно, а Игорь такой же был до того, как его в тюрьму посадили?

По важности этот вопрос не на первом месте, увы, поэтому вслух не спрашиваю.

Вздрагиваю от громкой мелодии, которая неожиданно играет на моём телефоне.

Резко подскакиваю и бегу к гаджету, хочется быстрее узнать, что с Игорем всё в порядке.

На экране действительно высвечивается имя брата и я с сильно колотящимся сердцем отвечаю на звонок.

Сосредоточенно слушаю Лёшку. Он оправдывающимся

тоном признаётся, что ему пришлось сказать Роме, кто на самом деле спрашивает про Клима.

Мне же, пару часов спустя, кажется детской глупостью, собственная просьба.

– Что-то случилось, да? – тихо спрашивает Анастасия Мироновна, когда я снова сажусь на табуретку.

– Я не знаю, – отвечаю честно, поднимая на неё глаза. – Лёшка нашёл Рому, но тот ему не сказал, что с Игорем, – до этого я ей рассказывала, что мой младший брат остался в северном городе доучиваться.

– А Рома это, кто? – осторожно интересуется встревоженная мать.

– Он самый близкий друг Игоря, – говорю задумчиво и не могу понять, что именно в словах брата меня насторожило.

– Вот видишь, ты знаешь его друга, а я нет, – подмечает она, улыбаясь натянуто.

– Он его, почему-то Бодрым называет, – продолжаю разговор ни о чём, будто это сейчас имеет значение. Видимо инстинктивно пытаюсь отогнать страх за Игоря, который уже пробирается под кожу. Мне реально становится жутко от того, что я могу его больше не увидеть.

– У них же там прозвища и клички на первом месте. Наверное, это Рому, как-то характеризует, – цепляется Анастасия Мироновна за нейтральную тему и скользит невидящим взглядом по кухонным шкафам. – Сына тоже, Климом называют, я слышала, когда на свидание к нему в зону приезжа-

ла. Сократили фамилию и новое имя получилось, – говорит, едва заметно улыбаясь. – Знаешь, Никуша, ты можешь думать, что я выгораживаю Игоря, возможно так и есть, ведь он мой сын, как иначе-то. Но лично я нигде больше не слышала, чтобы жизнь так издевалась над человеком, как над ним. Невольно задаёшься вопросом: “Для чего так жить?” – вот опять эти откровения, от которых аж затылок стягивает. – Ты, прости, меня за эту слабость, но для одного, чересчур много бед. Если твой брат, что-то сказал, ты не молчи, девочка, скажи. Я должна знать, что с Игорем, – просит Анастасия Мироновна и смотрит на меня умоляющими глазами.

– Рома сказал Лёшке, что сам мне перезвонит позже, но.., – осекаюсь, решая оставить догадки при себе.

– Пожалуйста, – пронизывает неморгающим взглядом.

– Думаю, это дежурная отговорка и он не собирается мне звонить, – озвучиваю свои подозрения.

– Раз пообещал, значит сделает, у них не принято разбрасываться словами, – так странно, что учительница литературы, напоминает мне о законах порядочных арестантов, но это работает и я действительно начинаю верить, что Рома позвонит мне.

– А ещё мне показалось, что Лёшка, что-то недоговаривает, – делюсь своими ощущениями.

– Нужно набраться терпения и ждать. Друг Игоря обязательно всё прояснит, – только сейчас я замечаю, что этой мудрой и отважной женщине тоже очень страшно.

– Ладно, – втягиваю носом воздух и отпиваю остывший чай. Понимаю, что надо, чем-то отвлечься от этого разговора, но никак не могу придумать, что-то стоящее. – Почему Игорь винит себя в смерти Олеси? Что с ней случилось? – вдруг хочется узнать, что произошло двенадцать лет назад. Теперь я готова, хотя уже догадываюсь, что будет жёстко. Если уж придётся держать удар, то надо знать, что там было на самом деле.

А ведь в какой-то момент, я даже пыталась забыть этого крутого Хозяина, лишь бы держаться подальше, от всего того треша, который был в его жизни. У него почти получилось убедить меня в этом.

– Игоря сначала в колонию для несовершеннолетних отправили, сразу же после суда. Ему же ещё восемнадцати не было, – Анастасия Мироновна настороженно вглядывается в моё лицо. Она скорее всего специально начала рассказывать издалека, чтобы успеть распознать мою реакцию и во время остановиться. – А Олесе, вообще, шестнадцать было. Дети совсем ещё, – выдыхает заботливо, а я затыкаю “глотку”, своей проснувшейся ревности, представляя, какими они были.

“Наверное, как Денис с Лизой”, – думаю я и тут же мысленно на себя наезжаю, за такое сравнение. Пусть суеверной глупо быть, но хочется, чтобы у Дена с его девчонкой, всё хорошо сложилось.

– В ноябре, сына перевезли на зону, а Олесе даже общего свидания было не положено, потому что официально-то она

Игорю никто, – поясняет, видимо за долгие годы научилась разбираться в этой системе. – Они тогда больше года не виделись, и я в глубине души, надеялась, что пройдут чувства у девчонки. Думала, что там любовь-то ещё детская, забыла бы и может другого бы встретила. Жалко её было очень, – признаётся Анастасия Мироновна. – Но они не сдались, зарегистрировали брак, прямо в зоне, как только Олесе восемнадцать исполнилось, – отвожу глаза, чтобы не показывать, как тяжело мне слушать про эту влюблённую парочку. Хочется пропустить лирическое отступление и перейти к самой сути.

Какое-то время мама Игоря молчит, и я не мешаю ей собираться с мыслями. Естественно замечаю, что нелегко женщине, этот разговор даётся. Кажется, что она постарела лет на двадцать, всего за пару часов.

– Деньги сын начал нам отправлять ещё до того, как они с Олесей поженились. Так что, никакие передачи мы Игорю больше не собирали и с баулами не таскались, он избавил нас от этого, – не похоже было, что она гордится его прошлыми достижениями, просто не могла не упомянуть. – Олеся поступила в университет, на экономиста учиться, очно. Её учёбу тоже Игорь оплачивал, но нам объяснять, где деньги берёт, он не торопился, – догадывается, конечно, что такие серьёзные суммы не с потолка сыпались, но вслух ничего не говорит. Я же для себя убеждаюсь окончательно, что Клим ещё с зоны с криминалом связан. – Сначала Олеся, раз в пол года ездила к Игорю на свидание, потом чаще стала. Здоро-

венные парни приезжали прямо к дому, на дорожке иномарке и увозили её в аэропорт, там встречали тоже на машине и доставляли уже до места и так каждые три месяца. Возвращалась счастливая, рассказывала, что комната свиданий, как номер в дорогой гостинице, если на решётки не смотреть, – качает головой, будто отказывается верить, что это было всё наяву. – У меня редко получалось ездить к сыну, из школы отпускали неохотно, а прогуливать работу я не привыкла. От провожатых таких я тоже отказалась, а деньги, которые сын присылал, я Татьяне отдавала. Ей нужней, у неё мальчишки росли, – Анастасия Мироновна не оправдывается и Игоря не судит, но чем дальше она рассказывает, тем обречённее становится её лицо. – Конечно, в отличии от меня Олесе очень нравилась вся эта роскошь и внимание. Она же глупенькая, кроме станицы-то нашей, ничего путём не видела. Однажды плакала, когда рассказывала, как уговаривала Игоря на ребёнка. Он не согласился, не хотел, чтобы его дитё, без него росло, – после этих слов, сердце у меня сжалось и я быстро опустила глаза, чтобы Анастасия Мироновна ничего не заметила по взгляду. – Срок тогда у сына уже заканчивался, когда он позвонил и просил помочь уговорить Олесю не ездить на последнее свидание, – её голос дрожит и я чувствую, как противные мурашки разбегаются по телу, предвещая мне минимум стресс. А ещё мне вдруг чудится, что я знаю эту страшную историю, но тут же отгоняю навязчивую мысль. – Не понимаю, с чего Игорь взял, что она ме-

ня послушает. Олеся отмахнулась от моих доводов и сделала по-своему, – в этот момент вспоминаю, какую я истерику закатила, когда он отправлял меня сюда. Если бы Игорь решил спросить моё мнение, то я бы тоже никуда не согласилась уезжать от него. Видимо со своей женой Клим не захотел так обращаться, как со мной, без всяких компромиссов и от этого понимания, обида снова подступает комом к горлу. – Сын отзвонился мне, когда Олеся приехала к нему и я даже вздохнула с облегчением, – молчит около минуты, наверное, настраивается на что-то. – Потом этот звонок с номера Игоря. Мужчина сообщил мне, что Олеся сгорела заживо на КПП. Было короткое замыкание и охрана не позволила открыть решётки, потому что не положено по технике безопасности, – чёткое ощущение, будто в помещении резко исчез весь кислород и мне стало нечем дышать. Я, как рыба открываю рот, но говорить не получается, кажется, что шею сдавило стальными обручами. Чувствую, как щёки становятся мокрыми и наконец всхлипываю.

– Господи! Как такое, вообще, возможно, – мой голос звучит хрипло и жалобно.

– Никуша, тебе плохо? – Анастасия Мироновна кидает на меня быстрый взгляд и подсакивая с табуретки, наливает в стакан воды. Она, наверное, думает, что меня так смерть Олеси шокировала, но я её уже давно пережила. Может это цинично с моей стороны, но ей ведь уже не больно, она умерла. Нет разницы, кто и что про меня думает, потому что я и

есть, настоящий бесчувственный монстр. – Пей, – напуганная женщина суёт мне воду и я послушно выпиваю.

– Представляете, я рассказывала эту историю Игорю, – со слезами восстанавливаю всю последовательность событий. Начиная от подслушивания родительского разговора про гибель девушки и потом, как я поделилась этим трешем с ним. – У него даже ни один мускул не дрогнул, – оправдываюсь, сдерживая рыдания. Я, как будто покалупалась пальцем в его кровоточащей ране, а потом ещё солью посыпала. В итоге Игорю пришлось извиняться передо мной за то, что его слова мне грубыми показались. После этих воспоминаний начинаю реветь в голос.

– Тише, тише, моя хорошая, – Анастасия Мироновна гладит меня по растрепавшимся волосам, но никаким спокойствием даже и близко не пахнет.

– Как он такое выдержал? – спрашиваю заикаясь. Кажется, что Игорю достались, какие-то нечеловеческие ресурсы.

– Я сына только через пол года смогла увидеть, после смерти Олеси и то на краткосрочном свидании. Посмотрела в его глаза и обомлела. Игорь был похож на живого мертвеца. Я тогда была уверена, что он похоронил себя, мысленно, вместе с женой, – говорит, продолжая успокаивать меня.

Слёз нет больше, сижу, глядя в одну точку. Тело до сих пор, как деревянное и в голове усваивается далеко не всё, что я сегодня услышала от мамы Игоря.

Глава 3. Ника

Поздно вечером Анастасия Мироновна уезжает на такси к своей подруге. Берёт с меня обещание, что если будут новости от Игоря, то я сразу ей сообщу, даже ночью.

Как только закрываю входную дверь, тут же неосознанно подхожу к шкафу и достаю свои витамины.

Пусть я ни на секунду не забываю, что во мне растёт крохотная жизнь моего малыша, но ежедневные процедуры, всё же, чуть не пропустила.

Мой мозг, будто подталкивает меня к каким-то привычным, но нужным действиям, пытаюсь отвлечь от того треша, который я сегодня услышала.

Принимаю разноцветные кругляши и устраиваюсь на подоконнике.

Думать стараюсь о чём-то отвлечённом, давая передых своей раскалённой голове.

Смотрю вниз на проезжую часть. На улице дождь и свет фонарей отражается на мокром асфальте. И это в середине ноября.

Думаю о том, что в моём родном городе уже давно лежит снег и почему-то вспоминаю бабу Валю, папину маму. Она, конечно уже умерла, но её необычные рассуждения, частенько всплывают в памяти.

Вот и сейчас я пытаюсь восстановить, бабушкину теорию,

о правильности принятия решения.

Она говорила, что если решение принято верное, то после этого у человека всё складывается в его пользу, а если наоборот неправильное, то всё идёт наперекосяк.

Теперь я сижу и распознаю, в какой момент, в моей, вроде бы, налаживающейся жизни начались кочки.

Решение оставить и родить ребёнка не может быть неправильным, в этом я уверена на все сто.

Получается, я ошиблась насчёт того, чтобы не говорит Игорю про свою беременность.

Сейчас обиды и обвинения, мне самой кажутся тупыми и неоправданными. Да я так защищала свою гордость, но на неё похоже никто и не покушался. Скорее всего он и правда хотел уберечь меня от опасности, подумаешь разрешения не спросил.

Сползаю с подоконника, слёзы уже капают с подбородка. Беспокорство за Игоря начинает зашкаливать и я направляюсь к телефону.

– Рома до сих пор мне не позвонил и я не знаю, что мне делать, – говорю быстро, как только Лёшка мне отвечает, чтобы он не понял, что я плачу.

– Ника, ему может пока некогда, – машинально поднимаю глаза на настенные часы и понимаю, что время уже ночь.

– Ты меня совсем за дуру держишь, я же слышу, что ты скрываешь, что-то, – не выдерживаю и всхлипываю прямо в трубку.

– Бли-ин, сеструха, ты чё там сырость развела, прекращай, – Лёшка и раньше всегда терялся, если видел мои слёзы, хотя сейчас кажется ерундой всё, что было до этого. – Да я замаялся, просто, не знаю стоит ли внимания и тебя лишний раз пугать неохота, – оправдывается он, а я сразу насто-раживаюсь. – Короче, у Ромыча, рука подвешена в горизонтальном положении, ну знаешь, так фиксируют в больнице, когда перелом. Только я гипс у него не заметил, – озадаченно поясняет. Я даже реветь перестаю, потому что в голову вдруг идея приходит.

– А ты Илью знаешь? – спрашиваю, чуть ли не перебивая.

– Если ты про Шмеля, то да. Он ко мне в палату постоянно приходил с перебинтованной башкой, – Лёшка даже доказательства мне предъявляет.

– Съезди к нему, – прошу умоляющим тоном.

– Куда? – повышает голос от моей внезапности.

– Илья вроде в “Зажигай”, управляющий, – отвечаю, не обращая внимания на возмущение брата. – Может он в курсе, где Игорь, – выдаю свои предположения.

– Ага, Ромыч не знает, а Шмель знает, – хмыкает недовольно.

– Да всё он знает, не говорит, просто. Я же не прошу, чего-то сверхестественного, пусть скажут, что с Игорем всё в порядке и я отстану, – продолжаю уговаривать. – Лёша, пожалуйста, я скоро от этих недомолвок с ума сойду, – слёзы опять начинают щипать глаза.

– Да, какой разговор, я съезжу, но толку-то, – соглашается, улавливая мой дрожащий голос. – Позвоню потом, – предупреждает и торопливо отключает вызов.

Около часа я хожу по квартире, взад-перёд, в ожидании звонка.

Наконец телефон оживает и я вижу имя брата на экране.

– Я же тебе говорил, что Илья ничего не знает, по виду, вроде не врёт, – разочарованно сообщает Лёшка.

– Дай ему трубку, я сама поговорю, – чувствую, как последние крупички терпения испаряются.

– Подожди немного, Шмель по телефону разговаривает, – в этот момент мне кажется, что они там сговорились и позидеваться надо мной решили. Отключаю со психа вызов и швыряю телефон в диван.

Через силу глотаю воду, пытаюсь успокоиться и слышу, как знакомая мелодия включается на гаджете.

Поднимаю телефон, но вместо имени брата, на экране высвечивается “Рома”.

Конечно, я могла позвонить ему сама, но если бы друг Игоря не ответил, то потом, я бы, вообще, ничего не дождалась.

Растерянно выдавливаю из себя “алло”, надеясь, что Рома сам выдаст нужную мне информацию.

– Привет, Ника! – слышу, как он изображает позитив, хотя всё явно не так. – Раньше набрать тебя не получилось, с делами запарился, – с ним произошли серьёзные перемены,

за такой короткий срок. Раньше бы он не стал передо мной объясняться.

– Мне срочно нужно с Игорем поговорить, ты знаешь, где он? – задаю самый важный вопрос, без отступлений к лирике.

– Верю тебе, сам бы не отказался парой слов с Климом перекинуться, но он точно сейчас не может, – сама не заметила, когда научилась распознавать тон, этого бритоголового хама, но я уверена, что он не прикалывается.

– С ним случилось, что-то, да? Только не ври мне, – в горле за мгновение пересохло и последние слова прозвучали глухо.

– Ника, тебе придётся лететь сюда и это срочно. Клим уже третьи сутки в отключке, в реанимации валяется, – наконец проясняет ситуацию Рома и внутри у меня всё леденеет. Кажется вдруг, что он говорит на каком-то старинном варварском языке и всё это звучит угрожающе.

– Да, конечно, – это всё на что я в данный момент способна.

– Приедешь в аэропорт, подойдёшь к “справочному”. Я договорюсь, чтобы тебя посадили на самолёт, а здесь сам встречу, – выдаёт мне указания, которым я собираюсь следовать в точности. Потому что мне ведь очень нужно попасть к Игорю.

– Ладно, – снова охотно соглашаюсь, чувствуя себя тряпичной куклой, которую дёргают за ниточки.

– Я на трубе, звони, если что. Матери Клима, пока лучше ничего не говори и Лёхе своему тоже, чтобы народу здесь было поменьше, –

продолжает сыпать инструкциями, в которые я уже не вникаю.

Стоя посреди комнаты, я с трудом соображаю, что мне надо делать. Накидываю, почти не глядя в сумку, какие-то вещи и свои витамины с таблетками не забываю.

Вызываю такси и одеваюсь.

Наверное, Рома лучше меня знает, что и кому можно говорить, а что нет, но я всё равно делаю по-своему и нажимаю на номер Анастасии Мироновны.

Разговариваем мы не долго, я прошу её спуститься из квартиры Анны Фёдоровны, примерно через пол часа.

Издалека вижу хрупкую фигуру, возле подъезда многоэтажки. Она кутается в куртку и озирается по сторонам.

Выхожу из машины, предупреждая таксиста, чтобы подождал.

– С Игорем, что-то? – спрашивает, тревожно вглядываясь в свете фонарей, в моё лицо.

– Рома сказал, что он уже два дня лежит в реанимации, без сознания, – отвечаю, не приукрашивая. – Я сейчас туда полечу, – добавляю без лишних эмоций.

– О, господи! – охает Анастасия Мироновна прикрывая рот ладонью. – Я тоже с тобой, к сыну полечу, – тут же говорит решительно.

– Нет, вам придётся остаться. Я, вообще, не должна была это говорить, но нарушила своё же обещание, – хмурясь, стараюсь убедить мать Игоря. – Недавно моего брата избили и он попал в реанимацию, был между жизнью и смертью. Никита Михайлович, это врач и очень близкий человек Игоря, он вытащил Лёшку практически с того света, хотя не признаётся, – вижу, как подбородок Анастасии Мироновны трясётся и глаза наполняются слезами. – Он любит вашего сына, как родного и если есть, хоть один малюсенький шанс, то этот врач его спасёт, – я только сейчас понимаю, что этой сильной женщине, тоже нужна поддержка. Она ведь столько лет, одна переживает и ждёт Игоря.

– Ты же позвонишь мне? – спрашивает жалобно, вытирая слёзы с лица.

– Обязательно, как только будут новости, – заверяю искренне. – И вот, – достаю из кармана ключи от съёмной квартиры. – Отдайте Денису с Лизой, пусть присмотрят, пока меня нет, – машу рукой и убегаю в машину.

В аэропорт захожу около шести утра и сразу же нахожу окошко “справочного”. Называю женщине своё имя и мужчина, сидящий рядом с ней, в форме диспетчера или может даже лётчика, выходит ко мне.

Отдаю ему свой паспорт и через пятнадцать минут мы с ним вместе проходим регистрацию на мой рейс.

По дороге к самолёту, мужчина в лётной форме, звонит Роме. Это я догадываюсь, когда он отчитывается, что я уже

почти в салоне.

Поднимается со мной по трапу.

– Леночка, проследи, чтобы у этой красавишны, всё было хорошо, вплоть до северных земель. Рома попросил, от Игоря Климова, – говорит он стюардессе и её лицо из серьёзного, тут же делается приветливым, будто она подружка моя.

Несколько секунд я рассматриваю высокую девушку, не стесняясь.

Где-то в глубине подсознания я уже догадываюсь, что не должна чувствовать, то что чувствую сейчас. Ревность жгёт изнутри, хотя Игорь в реанимации.

Загорелая блондинка с серыми глазами, тоже разглядывает меня оценивающе и это бесит до психа. Уверена, что у них, что-то было.

Лена в ярко-красном костюме стюардессы, который повторяет, все красивые и стройные изгибы её фигуры, выглядит, будто только, что с подиума сошла.

И я, со своей далеко не идеальной причёской, с отсутствующим макияжем и в прямой, мешковатой куртке, с дурацкими яркими вставками, как перья у попугая.

Устраиваюсь на сидении, возле иллюминатора, отдаю верхнюю одежду услужливой стюардессе.

– Отдыхай, подсаживать к тебе, мы никого не будем, – заверяет с улыбкой. – Может принести, чего-нибудь поесть или кофе? – вежливо интересуется, а мне уже хочется, чтобы эта супермодель, отстала от меня и перестала убивать своей

абсолютной внешностью, мою держащуюся на соплях самооценку.

– Воды, если можно, – прошу, только, чтобы отмахнуться от неё.

– Вероника, а ты Игорю, кто? – доносится сбоку голос Лены. – Сестра? Он, вроде, что-то говорил, – смотрю в её милое лицо с улыбкой до ушей и чувствую себя завистливой сукой.

– У него есть сестра и она старшая, – поправляю навязчивую красотку, заодно демонстрируя свою осведомлённость. – А я будущая жена Игоря, – знаю, что звучит самоуверенно, но мне же нужно, как-то её осадить.

– О, может и на свадьбу меня пригласишь, хочется это увидеть, – Лена явно не верит моим словам, да и я тоже не особо.

– Чтобы быть гостьей на нашей свадьбе, недостаточно, просто переспать с Игорем, – отвечаю с усмешкой и слежу за её реакцией.

– Даже такой привелегии у меня нет, – смеётся в голос и наконец уходит.

Отворачиваюсь к иллюминатору и пытаюсь анализировать наш разговор со стюардессой. Быстро выясняется, что впечатлений Лена на меня не произвела. Она мне, вообще, стала не интересна, как только я узнала, что секса у неё с Игорем не было.

Мысленно возвращаюсь к виновнику моего внезапного перелёта. Ловлю себя на том, что всё же до конца не верю,

будто с ним произошло, что-то страшное. Как получилось, что его жизни угрожает опасность, именно теперь, когда я.., нет, когда мы с малышом, в Игоре так нуждаемся.

Мою самостоятельность и желание растить ребёнка одной, как ветром сдуло.

Засыпаю, как только самолёт набирает высоту. Сплю, видимо крепко, раз не сразу понимаю, где нахожусь, когда Лена будит меня.

– Вероника, скоро посадка, нужно пристегнуться, – просит знакомая стюардесса, выделяя меня среди других пассажиров. Сама того, не осознавая, она отвлекла меня разговорами. Теперь я чувствую в себе силы бороться дальше, хотя ещё не в курсе, за что конкретно.

– Да, спасибо, – с благодарностью протягиваю плед, которым оказалась укрыта.

Смотрю на заснеженный город, сверху кажется, что в нём нет жизни и это невольно пугает.

Может Игорь захотел со мной помириться и не придумал ничего оригинальнее, чем реанимация?

Даже если выясниться, что это тупая шутка, то я заранее клянусь себе, что прощу ему всё, лишь бы он жив-здоров был. Вот только мне слабо верится, что Клим, вообще способен на такой бред.

Спускаясь по трапу, чувствую, как лютый холод пронизывает меня до костей. Моя куртка, ощущается, как лёгкая кофта и не спасает от мороза и ледяного ветра.

Машинально натягиваю капюшон, но от него тоже мало толку.

Захожу в здание аэропорта, Рому замечаю практически сразу. Он, наверное, специально шапку снял, потому что лысая голова привлекает внимание.

Рука в биндаже и держится на ремне, который перекинут через шею.

В правой руке Рома держит мой пуховик, тот, что мне Игорь покупал. Ещё пакет, где я уже догадываюсь – мои тёплые ботинки.

Эта картина, непроизвольно обнадёживает. Начинаю думать, что мою зимнюю одежду ему Клим подсунул, вряд ли обезбашенный вышибала догадался бы её сам прихватить.

– Ника, как долетела? – спрашивает с серьёзным лицом, такое чувство, будто это и правда для него важно.

– Хорошо, – отвечаю настороженно и всматриваюсь в знакомые черты, пытаюсь понять, что происходит на самом деле.

– Переодевайся, по дороге в кафе заедем, поговорить надо. Ну и поешь заодно, – кривится в улыбке, хотя видно, что ему не весело.

– А с рукой у тебя, что? – переобуваясь поднимаю к Роме голову.

– Да так, случайно зацепило, – говорит без лишних заманок и заиканий, похоже, что не врёт. Для выразительности или по привычке, дёргает этой самой, пострадавшей рукой.

– Чем зацепило? – приподнимаю брови от удивления.

– Не бери в голову, – советует мне вместо подробностей, на которые я справедливо рассчитывала. – В машине тоже левое не спрашивай. Пацан за рулём, свой, конечно, но меньше знает, крепче спит, – протягивает мне пуховик, а я уже не скрываю своего недовольства. – Из кафешки, нас Шмель потом заберёт, – зачем-то добавляет Рома и показывает головой на выход.

Из окна, с заднего сидения авто, разглядываю заснеженные и до тошноты знакомые улицы. Почему-то только сейчас осознаю, что мне не нравится этот город. С ним у меня ассоциируется много плохого, если не считать встречу с Игорем.

Минут через двадцать останавливаемся возле дорожного кафе. Сколько себя помню здесь, всегда на это заведение и его посетителей, смотрела, как на, что-то недостижимое. Только вот сейчас, всё равно не ощущаю себя частью этой роскошной жизни.

– Випка наша свободна? – спрашивает Рома у мужчины в костюме и галстукe, который направляется к нам с располагающей улыбкой радушного хозяина.

– Обижает, – отвечает, показывая рукой в сторону лестницы.

– Отправь, кого-нибудь к нам, – небрежно-приказным тоном бросает ему, мой сопровождающий.

Всего месяц назад, мне бы точно стало стыдно, перед этим представительным мужчиной, за поведение Ромы, но в данный момент, почему-то всё равно. Наверное, внутренне я

уже воспринимаю этих бандитов, как само собой разумеющиеся.

Проходим прямо в верхней одежде через весь зал и поднимаемся на второй этаж.

Скидываю пуховик на диван, огибающий стол с трёх сторон и продолжаю ходить по свободному пространству.

Рассматриваю обстановку с видом, будто важнее этого, ничего в моей жизни не существует.

– Может присядешь? – интересуется Рома, наблюдая за мной.

– Зачем? – опираюсь локтями о спинку дивана, напротив него. – Я четыре часа сидела в самолёте, ради чего снова должна отсиживать свою пятую точку? – спрашиваю, показывая откровенно, что моё терпение кончилось.

Слышу стук в дверь и чуть ли ни в голос начинаю рычать. Перед официантом, стараюсь не показывать, что нервничаю, он-то тут, вообще ни причём.

– Жаркое, – тыкаю пальцем в меню, в название блюда над фоткой. – Вот этот салат и молочный коктейль с пирожным, – быстро делаю заказ.

– Мне то же самое, только коктейль с пирожным не надо, кофе без сахара принеси, – говорит торопливо Рома и показывает парню, чтобы уходил. – Молодец! – смеётся, глядя на меня. – Война войной, а обед по расписанию, – его неожиданное веселье, раздражает меня ещё сильнее.

– Ты долго ещё мозги тут будешь парить? – смотрю в упор,

даже не думая скрывать, что я бешенстве.

– Не психуй, Ника, – поднимает здоровую руку вверх. – Я чё специально, – показывает глазами на дверь, но лицо делает серьёзное.

– Ну, давай, вперёд! – подгоняю его и понимаю, что говорю словами Игоря.

– Ты знаешь, как жена Клима умерла? – спрашивает настороженно, после короткой паузы.

– Да, мне Анастасия Мироновна рассказала, – отвечаю, замечая, что Рома не знает о ком я говорю. – Это мама Игоря, – поясняю сразу, чтобы он не отвлекался. – Только Олеся-то тут, причём? – не удерживаясь задаю вопрос, потому что теперь понимаю ещё меньше, чем до этого.

Глава 4. Ника

– Ну, ништяк, что в курсе, мне меньше языком молоть, – отмечает, одному ему понятную выгоду. – Я и так чот не врубаюсь с какого места начать, чтобы не сильно стрёмно было, – отводит глаза в сторону, а я медленно опускаюсь на диван. – Я, когда в зону этапом заехал, пару недель уже с этого треша прошла. Клим к тому времени уже в изоляторе зависал, – Рома закатывает недовольно глаза, когда встречается с моим непонимающим взглядом. – Видишь, на скоряк рассказать не получается, – оправдывается, чему я уже не удивляюсь. – В изоляторе зеки отбывают наказание, за нарушение режима в зоне. Обычно по пятнадцать суток дают, а Климу аж три месяца накатили, – объясняет он, старательно подбирая слова.

– У Игоря же срок должен был закончиться? Какой ещё изолятор? – претензии получают агрессивными и звучат так, будто Рома конкретно виноват в том, что его друга наказали, непонятно за какие провинности.

– Ну, понятно всё с тобой, – бросает разочарованно и откидывается на спинку дивана.

Вздрагиваю от негромкого стука в дверь и оборачиваюсь, когда слышу, что она открывается.

Про официанта и еду вспоминаю, потому что парень с виноватым лицом заносит наш заказ.

Чувствую аппетитный запах и накидываюсь на еду, будто меня неделю не кормили. Рома не ест, настороженно за мной наблюдает.

– Ты раз такой сытый, то рассказывай дальше, – предлагаю я занять свободное время, отодвигая пустую тарелку из-под салата.

Друг Игоря тоже принимается за еду, переставая на меня пялиться.

– В тот день, когда Олеся погибла, Клим поднялся к начальнику колонии в кабинет и запустил в него компьютерным стулом, – он уставился в столешницу и звучно отхлебнул свой кофе. – Полкану говорят ещё повезло, что охрана быстро прибежала и у него всего два сломанных ребра и сотряс башки, – прищуриваясь смотрит на меня, делая вид, что думает о своём, но похоже пытается считывать мою реакцию. – Братва на воле подсуетились, конечно, Клим же смотрящим на зоне был. Дали ему по минимуму – трёшку, – поясняет, хотя я и так уже догадалась, за что ему срок добавили.

– Я может совсем безнадёжно тупая, но до сих пор ни фига не понимаю, – высказываю свои опасения.

– Всё с тобой нормально, просто, Ника, тебе придётся поверить на слово. Я отвечаю, что видел новый способ, как можно убить себя и хрен, кто-чѐ предъявит, – говорит Рома, впиваясь в меня глазами и становится, как-то жутковато.

– Ладно, – BLEЮ, как овечка.

– Я тебя сразу предупреждаю, у нас времени в обрез. Если бы мне такое прочесали, я бы точно не повёлся, – продолжает убеждать, просверливая меня заговорческим взглядом.

– Окей, – снова соглашаюсь я, потому что кажется, что он ждёт именно этого.

– Короче, меня тогда тоже в изолятор посадили, в одну камеру с Климом. Смотрел он на всех беспонтовыми глазами, вообще ни на что не реагировал. Чувак ни ел, не пил, в желудок к нему проваливалось, только то, что мы с пацанами в него запихивали силой, – наверное, в моём мозгу включается, какой-то защитный механизм, мне начинает казаться, что это не может быть Игорь. Я хочу, чтобы это был чужой и незнакомый мне парень, которому я привыкла сочувствовать много лет, как только услышала эту чудовищную историю, про сгоревшую девушку. – Один раз, Клим начал совсем вырубаться, к тому времени я с него глаз не спускала. В итоге сам лично сердце ему запустил, чуть рёбра нахрен не переломал, – закрываю рот ладонью, чтобы не закричать от услышанного. – Через пару дней, Клима в больничку, под охраной увезли, подержали неделю под капельницами и опять в изолятор вернули, – хочу, чтобы Рома заткнулся и дал мне, хотя бы передохнуть.

– Как Игорь по-твоему это делал? – чуть ли не кричу ему.

– Он ничего не делал, просто жить не хотел и организм Клима по-тихому вырубался, – не выдерживаю и закрываю уши обеими руками. Моё лицо уже мокрое от слёз. – Всё,

молчу, – хмурясь обещает лысый садист.

– Значит это правда, что Игорь в реанимации сейчас? – спрашиваю, протяжно всхлипывая. Он кивает в ответ.

– В него стреляли, там два пулевых, – кажется, что какой-то невидимый палач, привёл страшный приговор в исполнение. – Ранения для жизни Клима уже не опасны, но он всё равно не приходит в сознание, – и до меня только сейчас начинает доходить, весь смысл его истории.

– Ты думаешь, что Игорь опять выключает свой организм? – спрашиваю я, прикрывая дрожащие губы пальцами.

– Я не думаю, Ника, так получается, – поправляет он меня устало.

Больше не могу сдерживать себя и рыдания вырываются наружу.

Выходит, что Игорь не звал меня к себе и не собирался со мной мириться. Оказывается у него всё хорошо, он решил не возвращаться.

– А Никита Михайлович, что говорит? – спрашиваю, хочу зацепиться за мнение авторитетного врача, как за спасение.

– Лично я, впервые вижу, что он не понимает в чём дело, – знаю, что Рома не виноват, но я его уже почти ненавижу. Он тот, кто забрал у меня последнюю надежду.

– Так-то я, вообще без понятия, какой Клим был, до всей этой хрени. Вышел он тогда из изолятора злой, как сто чертей, но живой зато, – наливая в высокий стакан воду, Рома периодически посматривает на плачущую меня. – У меня

пятёра сроку была, получалось, что Игорямба вперёд освобо­дился. А потом, когда встречал меня из зоны, я от него аж шарахнулся, – пододвигает ко мне стакан и мотает головой, показывая, чтобы я пила.

Догадываюсь, что он не будет дальше рассказывать, пока не приму успокоительные, в виде воды. Делаю несколько глотков и вытираю глаза салфеткой.

– Игорь стал ещё злее? – пытаюсь угадать.

– Ещё и обморозился, нахрен. Я первое время, вообще, с ним базарить не мог, потому что выбешивал Клим не хило, – усмехается не весело. – Смотрел на всех, и на меня в том числе, типа насрано, а он хер с горы. Весь такой высокомер­ный, с уродской своей ухмылкой, сарказмом всех закидывал и приказами, – со злостью вспоминает бритоголовый помощ­ник, про поведение Игоря и мне вдруг становится неприят­но. – Я даже, как долбаный извращенец, его психи начал вос­принимать за нормальные эмоции, – его история в пересказе, мне совсем перестаёт нравиться, потому что невольно вспо­минаю, как сама Игоря боялась. – Семь, сука, лет, Клим вёл себя, как последняя сволочь. Всем видом показывал, как он жалеет, что живой остался, пока ты не появилась, – произ­носит уверенно Рома, с полу улыбкой на лице.

– Я!?! – вскрикиваю удивлённо от неожиданности. – Если ты поприкалываться решил, то мне не смешно, – не на се­кунду не верю, что такое возможно.

– Вы, как у следака на допросе, где нельзя ни в чём при-

знаваться, – он резко отталкивается от спинки дивана и упирается локтями в столешницу. – Угарные вы оба и я поржу потом обязательно, над вашими тупыми выкидонами, но сначала нам надо Клима из его “нирваны” вытянуть, – приблизившись ко мне по максимуму, через стол говорит Рома. Вид при этом у него очень убедительный, поэтому спорить желания нет.

– Как ты будешь это делать? – спрашиваю, мысленно приготавливаясь к чему угодно.

– Ни я, а ты будешь делать, – заявляет этот лысый умник.

– Здорово ты придумал, теперь мне расскажи, как? – начинаю психовать, боюсь потому что, вдруг у меня ничего не выйдет.

– Слушай, Ника, ты только Михалычу не вздумай проболтаться, что это я тебя затормозил. Он и так у меня интеллект не может отыскать, – признаётся он без обид. – Останешься с Климом один на один и чеши ему, чё-нибудь вслух, главное погромче, чтобы этот придурок услышал, что это ты, – с серьёзным и выразительным лицом, Рома учит, что мне надо делать.

– С чего ты взял, что это подействует на Игоря? – интересуюсь, снова сомневаясь.

– Верю тебе, звучит, как бред, но перед тем, как ехать на стрелку, положняк у нас был совсем жопный, – набирая в лёгкие воздух и опуская глаза, пытается объяснить, мой личный консультант. Видно, конечно, что информацией он де-

лится неохотно. – То что Клима подстрелили, это капля в море, из всех заморочек, которые придётся разрулить, – не выдерживает и встаёт с дивана. Засовывая руки в карманы брюк, уходит к окну.

– Значит жизнь Игоря, всё равно будет в опасности, даже если он очнётся? – переспрашиваю, просверливая его спину взглядом.

– Он говорил мне, что выжил бы только ради тебя, – не поворачиваясь и игноря мой вопрос, произносит Рома.

Прикрываю рот ладонью и жду, когда спазмы перестанут сжимать моё горло. Оказалось, что слышать такое, а тем более воспринимать, я не в состоянии.

– Решил простимулировать меня, чтобы лучше старалась? – сарказм получается злой и со всхлипами.

– Да, брось, Ника, ты меня переоцениваешь. Для менядохрена делов такое сочинить, – в голосе улавливаю возмущение.

– Он меня отослал, я не нужна ему была, – вспоминаю свои обиды, хотя они на фоне случившегося выглядят обычными капризами.

– Клим сказал это, как раз после того, когда выяснил, что ты его забанила, – безжалостно “добивает” фактами.

– Он мне звонил? – спрашиваю, хотя уже знаю ответ.

Рома кивает и одновременно достаёт из кармана свой звонящий телефон.

Даже не пытаюсь прислушиваться к его разговору, я сно-

ва реву. Чувствую себя ещё несчастней, чем если бы выяснилось, что я не нужна Игорю.

Поднимаю мокрые глаза и вижу, что друг Игоря опять сидит напротив меня. Демонстративно ждёт, когда я успокоюсь.

– Не раскисай, Клим же ещё живой, – догадываюсь, что он подбодрить пытается, но у меня в горле снова начинает першить.

– Поехали в больницу, – прошу, сжимая челюсти, чтобы опять не разреветься.

– Да, давай, там Шмель уже подъехал, – с готовностью соскакивает с дивана и помогает мне одной рукой, надеть пуховик.

Залажу на заднее сидение авто и приглушённо здороваюсь с Ильёй. Он отвечает и выворачивая с парковки, поглядывает на меня в зеркало.

Несколько минут едем в тишине, парни тоже между собой не общаются.

– А вы уже знаете, кто в Игоря стрелял? – спрашиваю за-
торможено, потому что в какой-то момент вдруг вспоминаю, что мне не сказали, кто покушался на его жизнь.

Пауза затягивается, а Рома с Ильёй продолжают переглядываться, напоминая актёров немого кино.

– Это Михей, да? – вопросительно отвечаю сама, так и не дождавшись от них ничего.

– Вот, как только Клим очухается, ты сразу будешь его до-

прашивать, – говорит Рома, поворачиваясь ко мне полубоком с переднего сидения.

– Не обижайся, Ника, правила не мы придумали, – вмешивается Илья, будто пытается сглаживать острые углы. Видимо привык отмазывать хамоватого напарника.

Подъезжаем к знакомой клинике и сердце сжимаясь, начинает биться, как сумасшедшее, от мысли, что скоро я увижу Игоря.

Поднимаемся на этаж, где находится хирургия и я замечаю в конце коридора, троих накачанных здоровяков с непроницаемыми взглядами.

Окончательно убеждаюсь, что эти шкафы охраняют Хозяина, когда мы направляемся в их сторону.

– Бодрый, это кто? – беспардонно интересуется вышибало, неотрывно глядя на меня сканирующим взглядом.

Рома молча отводит любопытного стражника в сторону, пихая его в плечо. Видно, как бритоголовый начальник наезжает на охранника, но что конкретно говорит, не слышно.

– Привет, Вероника. Если, что-то надо будет, обращайся. Меня Макар зовут, – говорит, только что перевоспитанный, шкафообразный парень.

– Спасибо, – благодарю равнодушно и тянусь к ручке двери.

Останавливаюсь у входа в палату, потому что возле единственной кровати, стоит Никита Михайлович и даёт указания медсестре.

– Здравствуйте, – произношу ничего не выражающим тоном, скорее по инерции, сталкиваясь взглядом с врачом и тут же перевожу его на лежащего пациента.

– Здравствуй, Ника, – хмурясь отвечает мужчина и наблюдает, как я по-хозяйски скидываю пуховик на рядом стоящий стул. – Ты всё же не послушал меня, Роман? – строго интересуется, а я всё ещё, зачем-то, слушаю их разговор.

– Я, вообще, не при делах, Ника сама прилетела, – не очень старательно отмазывается мой сопровождающий. – Ты же сам сказал, Михалыч, типа сделал всё от тебя зависящее, – напоминает, а я смотрю на Игоря и поверить не могу, что это он.

Нос и рот закрыты кислородной маской, хотя она прозрачная. Глаза естественно закрыты.

Опускаю взгляд ниже и вижу на левом плече повязку. В груди сразу всё сжимается, от понимания, что тот, кто стрелял, целился в сердце, но тупо промахнулся.

– Ты так говоришь, что можно подумать, присутствие Ники, Игорю, как-то поможет, – выдаёт доктор своё мнение. Не сомневаюсь, конечно, что он очень переживает за близкого ему пациента, но Игорь ведь не его собственность. “Этот важный для всех больной, ещё и отец моего будущего ребёнка”, – напоминаю себе, чтобы быть уверенней.

Обхожу широкую кровать с правой стороны. Получается на инстинкте, от ранения хочется держаться подальше.

– Видел бы ты, док, как между этими двумя искрит, даже

за тысячи километров, то взял бы свои слова обратно, – самоотверженно отстаивает свою позицию Рома.

Боковым зрением замечаю, что он смотрит на меня с надеждой, будто после моего прикосновения к Игорю, должно свершиться чудо. Как в сказке, он очнётся от своего коматоза и дальше всё будет происходить по знакомому сценарию. Вот только в реальности это так не работает.

Зажимаю родные пальцы ладонью и чувствую, какие они прохладные. Раньше руки у Игоря были всегда тёплые и я нахмуриваясь, начинаю их греть своими.

– Хорошо, у тебя есть пару часов, – соглашается снисходительно Никита Михайлович, с усмешкой посматривая на мои бессмысленные действия.

– Я никуда не уйду отсюда, пока Игорь не очнётся, – отвечаю, показывая всем своим видом, что не нуждаюсь в его разрешении, чтобы здесь находиться.

– Это ничего не даст Ника. Как только он.., – начинает уговаривать меня врач, по какой-то отработанной схеме.

– Вы, просто, не понимаете, – перебиваю я его на полуслове. Как ни странно, слёз нет, такое ощущение, что у меня закончился запас жидкости в организме. – Я должна, каждую минуту знать, что Игорь живой, – договариваю и снова перевожу взгляд на неподвижную мужскую руку, которая стала заметно теплей.

Рома молча ставит рядом со мной, тяжёлый больничный стул с железными ножками и подталкивает Никиту Михай-

ловича к выходу.

– Зови, если понадобится. Кнопка здесь, – говорит доктор приостанавливаясь возле двери и я киваю, соглашаясь, но в их сторону больше не поворачиваюсь.

Стою неподвижно и рассматриваю каждый миллиметр родного, но не реагирующего на меня человека.

Вспоминаю Ромины наставления, но в отличии от него, слабо верю, что мой громкий голос способен вернуть Игоря в сознание.

Вместо этого шепчу ему прямо в ухо, что у нас скоро будет ребёнок, исполняя так, своё обещание.

Не знаю сколько времени проходит, прежде чем чувствую, что ноги у меня устали и сажусь на стул. Укладываю голову на край кровати, касаясь щекой руки Игоря. Смотрю в сторону окна, там уже давно темно и сама не замечаю, как засыпаю.

Пробуждение меня вводит в ступор. Сначала я, вообще, не понимаю, где нахожусь, но при этом, кто-то гладит меня по волосам, едва касаясь.

Как только я вспоминаю своё место пребывания, сердце начинает долбиться с такой силой, что дыхание тут же сбивается.

Глава 5. Игорь

ПО ТУ СТОРОНУ СОЗНАНИЯ.

Меня кружит, как на какой-то адской карусели. Вокруг мелькают люди, но ни одного я не узнаю.

Ситуации, которые провоцируют эти же недочеловеки, вообще, бредовые. Зачем-то я снова всматриваюсь в эти левые лица, хочу выловить, хоть какую-нибудь логику или распознать посыл в этой бессмыслице.

Пытаюсь мысленно вернуться туда, где я был до того, как сюда попал. Приходится напрягаться и сосредотачиваться на незначительных деталях, которые всплывают вдруг в памяти. Как только я вижу, что-то адекватное, тут же проваливаюсь в чёрную яму.

Повторяется эта невменяемая картинка несколько раз. Проваливаясь очередной раз в подобие тёмного подвала, я слышу сверху невнятные голоса. В то же время внутри меня забита твёрдая уверенность, что торопиться мне некуда, потому что я здесь надолго.

Возвращаясь, в хрен знает, какой раз, на эту долбанную круговерть, я больше не ищу знакомые лица, потому что уже насрать. И все же, краем глаза, замечаю в толпе силуэт, от вида которого сердце в груди сжимается.

Срываюсь со своего места и догоняю светловолосую де-

вушку, уже в пустом помещении.

Хватаю её за руку, чуть выше локтя и разворачиваю к себе. Это действительно Олеся, но выглядит очень странно.

Шея и скулы замазаны в саже, а волосы подпалённые.

Моя жена, которая непонятно, где, столько времени пропадала, со злостью выдёргивает свою руку и отходит на безопасное расстояние.

Смотрит отчуждённо, взгляд её не похож на тот, что был раньше и я нахмуриваюсь в непонятках.

Остервенело и взхлёб, Олеся обвиняет меня в измене, и что если бы она знала, то ни за что за меня замуж не пошла.

Слушаю и осознаю, что оказывается мы с ней намного дольше не вместе. Измен за это время было до хрена, так же, как женщин, но она почему-то в косяк мне ставит, только одну.

Чувством вины, даже близко не пахнет, потому что я вдруг понимаю, что меня здесь, вообще, быть не должно.

Складывается жёсткое ощущение, что всё это уже, когда-то было. Типа, кто-то прикололся и поставил на повтор, но оно уже неактуально стало, в этом я стопудово уверен.

В какой-то момент улавливаю лёгкий аромат, цветов и фруктов вперемешку. Вспоминаю, что так пахли волосы той, которую мне Олеся пыталась поставить в упрёк.

Ника! Её зовут Ника!

Образ девочки с синими глазами, тут же всплывает у меня в голове.

Знаю, что мне нужно к ней, но я не помню, куда идти.

Поднимаю глаза на Олесю и вижу, как она тянет ко мне руку. Дёргаюсь в её сторону, снова меняя свои намерения, но лицо жены начинает трескаться. Отпадывает коркой, стирая до боли родные черты.

Очень быстро от неё остаётся куча пепла и я глядя на всё это, цепенею, забывая, куда и зачем мне надо было, ещё совсем недавно.

Я же точно знаю, что хотел разобраться со своими проблемами, но у меня опять нихрена не вышло.

Смотрю на то, что осталось от Олеси и почему-то не нахожу в себе того горя, которое должно быть, от утраты близкого человека, но и что делать дальше, тоже не знаю.

Выныриваю, кое-как из ступора и прислушиваясь rozpoзнаю шёпот, а потом узнаю голос Ники.

Поворачиваясь в ту сторону, откуда доносится настойчивое нашёптывание, я даже не пытаюсь вслушиваться в смысл её слов.

Вижу тёмный вход, напоминающий пещеру в горах и иду туда, на звук девичьего голоса. У меня даже мысли не мелькает, что всё это может быть миражом или подставой, наоборот внутри сидит уверенность, что именно это и есть нужное направление.

Шёпот резко прекращается, но обратно возвращаться я не собираюсь. Двигаюсь вперёд, по инерции.

Дальше передвигаюсь медленно, потому что мне до сих

пор ничего не видно. Мой встроенный счётчик наматывает приличный километраж, но просветов не наблюдается.

Сомнения в моей голове растут, потому что картинка не меняется и кажется, что я хожу по кругу.

Вдруг правой рукой начинаю чувствовать тепло и инстинктивно воспринимаю эти ощущения, как компас.

Первые минуты тепло едва заметное, но потом я даже источник его распознаю.

Бред, конечно, но смахивает на телесное прикосновение, раньше такое было, когда я Нику за руку держал.

Почти сразу вдаль появляется тусклый свет и я ускоряю шаг, теряя бдительность.

До места, где мерцает свет остаётся идти недалеко, когда я оступаюсь и падаю вниз.

Лечу недолго, всего несколько секунд, зато впечатлений массу выхватываю. Какая-то хрень прилипает к лицу и мешает нормально дышать. Не обращая внимания, я напрягаюсь и пытаюсь сформироваться, чтобы шею не свернуть. Хотя, вообще не знаю, куда должен упасть.

Сильно дёргаюсь, когда приземляюсь, чувствую сильную боль в плече и правой ноге, выше колена.

Открываю глаза и до меня сразу же доходит, что я в клинике у Михалыча нахожусь. Не было никакой пещеры и всего гона, что мне привиделось. Это мой мозг, наверное, “развлекал” так меня.

Стягиваю кислородную маску, которую я “в полёте” не

смог отодрать. Иголки с трубками, торчащие из руки, тоже выдёргиваю.

Смотрю на копну распущенных волос, рассыпанных на больничной койке и в груди начинает щемить. Знаю, что это Ника, хотя лица мне не видно.

Не шевелюсь, чтобы не разбудить синеглазку. Пусть поспит ещё, а я пока буду восстанавливать в памяти то, что было до больницы.

Вопросы кучей роятся в голове, я же, вообще, без понятия, сколько здесь валяюсь.

Всё, что было на стрелке с Михеем, я и так помню, пока он меня во второй раз не подстрелил.

Чтобы знать, чё там дальше было, мне Бодрый нужен. Но прямо сейчас, я с ним разговаривать не хочу, даже если он, где-то поблизости.

Тянусь к волосам Ники и убираю их с лица. Невольно улыбаюсь, наблюдая, как она мирно спит, хотя по-любому же неудобно в такой полу скрюченной позе.

В голове неконтролируемо прорывается вопрос: “Сколько я здесь уже в отключке валяюсь? Если Ника успела узнать и прилететь”.

Вижу, как её ресницы начинают тревожно вздрагивать и я жду, когда эта красивая девочка откроет свои синие глаза.

Только ради этого стоило вернуться в сознание, чтобы ещё раз посмотреть, какая она невообразимая.

Замечаю, конечно, что веки припухшие, на щеках покрас-

невшие пятна. “Значит опять плакала”, – сразу же догадываюсь я. Но тут, ничего не предъявишь, сам виноват, ревела она всяко из-за меня.

Испуганно осматривает моё лицо и я неосознанно тянусь к своему подбородку рукой, представляя вдруг, что, наверное, оброс, как “дед Мазай”. С удивлением распознаю, что щетине, всего дня три.

Ника продолжает молча следить глазами, за моими движениями, типа не может поверить, что всё это ей не мерещится.

– Привет, – говорю хрипло, потому что в горле першит.

– Ты как? – спрашивает настороженно, не отвлекаясь на приветствие и всем видом показывая, что боится. Синеглазке похоже страшно, что я опять могу вырубиться.

– Всё нормально, – пытаюсь успокоить её, осипшим голосом. – Если попить мне дашь то, вообще, буду круче всех, – стараюсь улыбаться, хотя чувствую, что губы пересохли тоже.

Ника подскакивает с массивного стула и наливает из полторашки воду в стакан.

– А тебе можно пить? – останавливаясь, отводит руку со стаканом в сторону.

– Я только горло смочу, – обещаю, делая честные глаза. – Давай, пока не будем Михалыча звать, – прошу заговорческим голосом.

– Ты нас очень сильно напугал, – говорит, протягивая мне

воду. – И я не знаю, что мне делать, чтобы ты снова не захотел к Олесе, – давлюсь и проливаю воду на себя, не ожидая такое услышать. Понимаю, что Нике уже рассказали про то, как погибла моя жена.

– С чего ты берёшь, что я хочу к Олесе? – напрягаясь, не свожу с неё взгляда.

– Рома сказал, что ты можешь так себя убить, потому что такое уже было, – волнуясь, облизывает губы. А я сглатываю слюну и ловлю себя на мысли, что хочу поцеловать синеглазку, потому что, кажется, что вечность был без неё. Моё желание растёт и становится важнее слов, которые она говорит. – Ты правда жить не хочешь? – этот вопрос охлаждает мой пыл и я, как debil наблюдаю за Никой. Она начинает часто моргать, сдерживая подступающие слёзы. – И я тогда, получается, тебе, про твою же жену рассказала. Прости меня, пожалуйста! Я не знала же, что.., – всё же начинает реветь, прикрывая рот ладонью.

Дотягиваясь рукой, цепляю и тащу её за кофту ближе. Не сопротивляется.

Двигаюсь в сторону, освобождая для Ники место на широкой кровати и затягиваю к себе.

– Я не собирался умирать, вырубился чисто случайно, – прижимаю и целую её в висок, улавливая цветочно-фруктовый запах её шампуня.

– Ты специально так говоришь, просто, чтобы успокоить меня, – всхлипывая, не верит мне синеглазка. – Рома гово-

рил, что даже если ты в сознание придёшь, твоей жизни, всё равно будет, что-то серьёзно угрожать, – приподнимает голову, видимо, чтобы мою реакцию увидеть.

– Чучело сраное, – не сдерживаясь, обзываю Бодрого. – Я точно ему язык вырву, он ему нахрен, по ходу, не нужен, – смотрю в потолок и дышу через нос, пытаюсь успокоиться. Поражаюсь, как лысый умудряется выбесить меня, хотя мы ещё не виделись даже.

Мельком ловлю во взгляде Ники отстранённость и она тут же пытается сползти с кровати.

– Я видел Олесю, – говорю, не зная, как её тормознуть и она действительно замирает в одном положении. – И ничего не почувствовал к ней, – признаюсь, глядя в синие глаза. – Потом услышал твой шёпот и пошёл на него, – Ника смотрит на меня в откровенном шоке, даже рот приоткрывает от удивления. – Не хрен делать, что это мои галлюцинации, в бессознанке были, но я шёл на твой голос, – начинаю сознательно тупить, хотя понимаю уже, что не показалось мне. – Ещё ты держала меня за руку, вроде бы, – неуверенно добавляю и она кивает, подтверждая мои слова.

– А что говорила, помнишь? – спрашивает, всё ещё не выныривая из своего ступора.

– Ника, я не прислушивался, – беру её руку в свою и перебираю тоненькие пальчики. Вспоминаю вдруг, как она признавалась мне в любви перед отъездом и начинаю подозревать, что в шёпоте было, то же самое. – Мне надо было

выбраться оттуда, но сейчас, капец, как интересно стало, – осторожно подталкиваю словами, чтобы синеглазка повторила, что нашёптывала мне, когда я был в отключке.

Сжимает челюсти и отводит потерянный взгляд. В этот момент я догадываюсь, что такая реакция на любовные признания не тянет и внутренне напрягаюсь.

– Я беременная. У нас ребёнок будет, – говорит, поднимая глаза, а из меня тут же вылетает вся эйфория.

Машинально опускаю взгляд на живот Ники, хотя понятно же, что срок ещё небольшой.

Глава 6. Игорь

В первый момент, вообще не знаю, как правильно реагировать, на такую крышесносную новость.

– Если ты сама определила, то лучше у врача ещё раз удостовериться, – аккуратно намекаю, что мне нужны гарантии. Я не пытаюсь отъезжать, наоборот подстраховываюсь от жёсткого облома. Очень не хочу, чтобы в итоге тест бракованный оказался или ещё, какая-нибудь херня стряслась.

– Мне на репетиции плохо стало, я в обморок упала, но Ренат меня поймал, – едва сдерживаюсь, когда слышу имя левого чувака и что он лапал Нику. Догадываюсь, конечно, что тупо ревную, хотя был почти уверен, что со мной больше такого не случится.

Зависаю, силясь вспомнить, о чём я думал, когда отправлял Нику одну, в такую даль и без присмотра.

На несколько секунд выпадаю из разговора, чувствуя, что бомбит меня не слабо.

– .. показало, что уже пять-шесть недель беременности. У малыша уже сердце бьётся, – ловлю обрывок её рассказа. Последние слова произносит приглушённо и я в порыве накрываю маленькую руку своей ладонью. Пропускаю её пальцы между своими и сдерживаю сбившееся дыхания от эмоций.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю немного успокоившись.

– Терпимо уже, спать только всё время хочется, – отвечает с улыбкой будущая мама моего ребёнка. В памяти всплывает картинка, которую я наблюдал недавно. Она спала в очень неудобной позе, когда я пришёл в сознание.

– Кто такой Ренат? – интересуюсь всё же, чтобы закрыть эту тему.

– Ренат? – хмурясь, переспрашивает синеглазка и я ощущаю себя лохом pedalным.

– Ты только что говорила, что он поймал тебя, – напоминаю и Ника сразу вытаскивает свою руку из моей.

– А, да, он партнёр мой, мы танцевали в паре, – смотрит с вызовом, а потом, вообще, уходит от меня на стул. Всё это, не похоже на синеглазку и я только сейчас догоняю, как сильно она изменилась. – У Рената жена тоже беременная, но она скоро уже родит, – добавляет, не сводя с меня настырного взгляда. Я чётко осознаю, что из нас двоих, накосячил только я, потому что Ника явно защищается, а значит не доверяет мне.

Мысленно восстанавливаю то, как мы общались до её отъезда и прикрываю глаза, чуть ли ни со стоном разочарования к себе.

Тогда я не сильно заморачивался, чего хочет или не хочет синеглазка. Действовал исключительно в интересах её безопасности и мне удобно было быть долбаным “Робин Гудом”.

Тут же вспоминаю, что я и отношений-то никаких не планировал. Я же должен был умереть, в самых лучших тради-

циях жанра, как герой, от бандитской пули.

– У тебя болит, что-то? – поднимается со стула, встревоженно глядя на муки моей совести.

– Ника, со мной всё нормально, – усмехаясь, тяну к ней руку и приподнимаюсь.

– Точно? – смотрит подозрительно.

– Зуб даю, – отвечаю с серьёзным лицом и получаю от неё улыбку в награду, за свои кривляния.

– О! Тебе надо позвонить маме, – подрывается с места и несётся к своему пуховику.

– Ты уверена? Вообще-то ночь на улице, – поворачиваюсь к окну.

– Ну и что? – выпучивает возмущённо глаза. – Анастасия Мироновна вряд ли спит, потому что с ума, наверное, сходит, из-за тебя, – включает телефон и тыкая в экран, протягивает мне.

Подчиняюсь на автомате и звоню матери.

– Да, Никуша, как ты там? – она и правда отвечает, практически сразу.

– Это не Ника, мам. Это я, Игорь, – перед ней мне тоже не в жилу, даже углубляться не хочу, сколько мать, из-за меня натерпелась.

– Игорёша! Слава тебе, Господи, живой! – выдыхает и я слышу, как её голос дрожит.

Поднимаю глаза на Нику, она стоит рядом, как надзиратель, с переплетёнными руками на груди.

– Со мной уже всё в порядке, – заверяю и понимаю, что мне очень хочется сорваться с трубки. – Мам, извини, что опять заставил тебя переживать. Я не специально, просто, так вышло, – выдавливаю из себя слова, которые даются с трудом. Не привык я прощения просить и сам к этой лаже, как к подставе, какой-то отношусь. Перед матерью не стрёмно, что слова звучат неискренне, я знаю, она поймёт.

– Главное, что всё обошлось, – выдыхает с облегчением. – С Никой там, всё хорошо? – спрашивает мать, видимо по голосу слышно, что я на разговор не настроен.

– Да, она здесь. Я потом тебе перезвоню, – протягиваю телефон синеглазке и чувствую, как на душе стаёт легче.

– Анастасия Мироновна.., – вижу, что улыбается и дальше не вникаю.

Скорее всего Ника ещё ничего не сказала про то, что беременная, но мать и без слов умеет распознавать. Таньку она безошибочно определила с Русом, когда сестра ещё сама сомневалась.

Улыбаюсь неосознанно, потому что уверен, что наш с Никой ребёнок, будет для матери важнее меня самого.

“Жизнь скоро сказочная у меня настанет, осталось только с братвой столичной, полюбовно добазарится и завязать с этими отстойными делишками”, – думаю с сарказмом, вообще, смутно представляя весь расклад.

Наблюдаю за ходящей взад-перёд Никой и периодически поднимающей на меня глаза.

Она всё ещё, о чём-то разговаривает с моей матерью, по телефону. А я думаю о том, что как ни крути, но мне нужен Бодрый, чтобы определиться, куда дальше рулить и от чего отталкиваться.

Мало ли, вдруг Михей, обдолбанный, какой-нибудь дикой хреню, всё ещё носится по городу. Это будет означать, что Нику нельзя никуда отпускать от себя.

От мысли, что шизанутый мажор, до сих пор не натыкан мордой в собственное дерьмо, начинаю чувствовать себя воспитателем детского сада.

Спрашиваю у синеглазки, сколько сейчас времени, когда она отключает связь с матерью.

Она подходит ближе и я нагло пользуюсь ситуацией, снова затягиваю её на кровать.

На этот раз Ника скидывает ботинки и залазит ко мне “с ногами”.

Лежим молча, её голова у меня на плече. Дыхание возле моего уха становится ровным и я понимаю, что она уснула.

Не успеваю расслабиться, как спящая красавица закидывает на меня свою стройную ножку. Сжимаю резко челюсти, чтобы не заорать и тихо мычу от боли, потому что её коленка упирается прямо в мою повязку на ноге.

Терплю и думаю, чё мне делать?

Если разбужу Нику и она узнает, что попала ногой в мою рану, то потом ещё долго будет от меня шарахаться. Такой вариант меня точно не устраивает.

Аккуратно приподнимаюсь и дотягиваюсь рукой до заднего кармана джинсов синеглазки, достаю пальцами её телефон. Так же медленно и осторожно подпихиваю гаджет под лежащую у меня на груди руку, прикладывая указательный палец к камере.

Случайно заметил, как она разблокирует свой телефон, оказывается не зря.

Нахожу контакт “Рома” и нажимаю не задумываясь. Прикидываю, как долго мне придётся терпеть давящую боль, если Бодрый сейчас у себя дома.

– Ника, ну как? Получилось? – спрашивает лысый заспанным голосом.

– У неё получилось, – отвечаю, хотя понятия не имею, о чём он говорит. – Бодрый, ты где? – интересуюсь, задирая голову кверху и стараясь разговаривать не громко.

– Клим?! – орёт в трубку и мне приходится убрать телефон в сторону. – Я тут, у твоей палаты, а ты откуда звонишь? – тупее вопрос, по ходу сложно придумать, но Бодрый бы и это смог, я в нём не сомневаюсь.

– Я-то? Откуда и должен, уже на девятый круг пошёл, решил с тобой впечатлением поделиться, – стискивая зубы, выдаю чёрный юмор, намекая, что я в аду. – Лысый, кончай тупить. Зайди ко мне, только тихо, – говорю, уже теряя терпение.

Дверь в палату, почти сразу открывается и в проёме появляется бритая башка.

– Заходи, короче! Не светись там! – шиплю на него агрессивным шёпотом. Без психа, конечно, потому что осознаю в этот момент – чё бы не было, но я рад этому балбесу.

Заторможено закрывает дверь и пялится на меня, как на привидение.

– Сработало, значит, – несёт, только ему понятную охренею.

– Про гороскопы, давай, попозжа, – предупреждаю заранее. – Иди сюда, чё встал? – нервничаю я потому что ногу мне всё ещё больно.

– Причём тут гороскопы, – подходит, недовольно поглядывая на спящую синеглазку.

– Убери ногу Ники с меня. Только нежно очень и не вздумай лапать, – смотрит на меня исподлобья и берёт её за щиколотку, тянет и разгибает ногу, убирая с меня.

– Ты ещё до стрелки кукухой поехал, я смотрю ничего не изменилось, – хмыкает Бодрый, разглядывая выражение моего лица и отходит от Ники на другую сторону кровати.

– По-любому изменилось, ещё хуже стало, – отвечаю, сдерживая вздох облегчения.

Отказываясь от всех этих чувств, несколько лет назад, я был уверен, что смогу контролировать эмоции, чтобы оставаться хладнокровным.

Появление Ники застало меня врасплох и вначале могло показаться, что она во мне нуждается, но всё вышло в точности до наоборот.

Два пулевых, не меньше двух дней в отключке, но стоило появиться синеглазке и вот я практически здоров. Это я в ней нуждаюсь и не сдох до сих пор, потому что эта девочка есть.

– Рассказывай, а то я опять, по ходу самое интересное пропустил, – даю Бодрому правильную наводку на тему.

– Чё конкретно ты хочешь знать? – спрашивает подозрительно и стоит передо мной, как вкопанный.

– Про друга нашего, например, – с нескрываемым сарказмом озвучиваю свой интерес.

– Друга? – напрягается и морщится, явно не понимая моих намёков.

– Ну да. У нас после Гитлера только один остался, Михей который, – подсказываю, уже не рассчитывая на его сообразительность.

– А, да. Он тоже боты склеил, – коротко угарнув, говорит лысый.

– Зашибись, значит мы с тобой остались без друзей, – усмехаюсь и жду продолжения.

– Это я в него случайно попал, стрелял, даже не целился, – чуть ли не оправдывается Бодрый.

– Я чего-то не догоняю? У нас проблемы, что ли из-за трупики? – начинаю перебирать причины.

– Не-е, менты Михея нашли на другой стороне трассы. Наркота там везде была, в тачке, в карманах и в крови. Видать он, как окочурился, шохи его тут же киданули, – ожив-

ляясь, выдаёт мне весь расклад. – Я пробил по нашим связям, – добавляет уже не так шустро.

– А у тебя с рукой, чё? – показываю головой на забинтованную и подвешенную к шее конечность.

– Зацепило, – опять, как-то пришибленно отвечает.

У меня, вообще, ничего не сходится, после этой рваной истории, поэтому пытаюсь выяснять дальше.

– А как мы с тобой до больнички добрались? Я вырубился, а ты однорукий? – спрашиваю хмурясь. – Скорую, что ли вызывал? – предполагаю.

– Михалычу я естественно сразу отзвонился, но к нему нас привёз Шмель, – запутывает меня своим ответом ещё больше.

– Шмель?! – выгибаю брови и смотрю на лысого с наездом. – А он-то там откуда взялся? – вопрос ближе к риторическому, потому что я уже не надеюсь на вразумительный ответ.

– Я написал Илюхе, куда мы поехали. Ну так, на всякий случай, – жмёт плечами и отводит взгляд. – Он подъехал, когда мы уже отстрелялись, – приглушённо заканчивает Бодрый.

Киваю задумчиво, несколько раз. Осознаю вдруг, что этой мрази-Михея, больше нет и забываю о том, что рассказ у Ромыча вышел корявый и хромой.

– Ну, ништяк, чё, – выдаю философски и вижу, как он расслабляется.

Глава 7. Ника

Во сне я чувствую себя в полной безопасности и это происходит впервые, за очень долгое время.

Просыпаться не хочется и я изо всех сил стараюсь заснуть крепче. Получается с переменным успехом, потому что периодически всплываю на поверхность и близка к тому, чтобы проснуться окончательно.

– Я не понял, а трубка моя, где? – слышу я сквозь сон голос Игоря и в голове срабатывает, что мне всё это снится.

– Треснула, не выдержала напряжения. В бардачке у меня, где-то валяется, – отвечает, кто-то, очень знакомым басом, но я не могу его вспомнить.

– Значит купи другую и в гостиницу заскочи, шмотки привези, какие-нибудь, – слушая неприметный диалог, я снова начинаю проваливаться в сон, наверное, потому что мой мозг, ничего интересного и важного не находит.

– Нахрена, Клим, не звони пока в Москву, очухайся хотя бы, – выдёргивает меня из дрема резкая интонация. Теперь я точно распознаю встревоженный тон Ромы.

– Бодрый, если я буду тянуть время и откладывать встречу с Паханом, то проблема вряд ли сама себя порешает. Наоборот может всё против меня обернуться, – слишком спокойный голос Игоря настораживает, инстинктивно я чувствую угрозу.

– Меня это, вообще всё напрягает. Может притормозишь ненадолго, а то у меня, чё-то аж очко играет, – признаётся его друг в том, о чём обычно вслух не говорят.

– Ромыч, я на этот раз сильно заинтересован остаться в живых. Я же летом, отцом стану, – от слов Игоря вдруг становится обидно, хотя он ведь не со мной сейчас разговаривает. Всё равно, начинаю ощущать себя безмолвным сосудом для вынашивания его ребёнка, потому что на мою причастность даже намёка нет.

Догадываюсь уже, что это опять чёртовы гормоны взбесились и пытаюсь остановить запущенный, внутри меня процесс.

– О! Игорь! – раздаётся громкий, мужской голос и я вздрагиваю от неожиданности.

– Михалыч, ты чё орёшь? – недовольно отзывается воскресший пациент и укладывает меня обратно к себе на плечо. Целует при всех меня в волосы и я тут же забываю про свои обиды.

– Ты зачем капельницы выдернул? – спрашивает строго врач, когда Рома выходит из палаты, так и не успевая выразить своё мнение по поводу предстоящего отцовства Игоря. – Надо было медсестру хотя бы позвать, – продолжает отчитывать, как нерадивого больного, а я сползаю с кровати.

Туалет с душем находится прямо в палате и я поспешно скрываюсь за дверью.

Включаю воду и умываюсь над раковиной, больше не при-

слушиваясь к разговору.

Специально делаю всё медленно, надеюсь, что врача уже не будет, когда я выйду из туалета.

К сожалению, вижу, что Никита Михайлович ещё в палате, светит Игорю, каким-то фонариком прямо в глаза.

Слышу спасительный звонок своего телефона, где-то на кровати. Не глядя принимаю вызов, использую его, как причину, чтобы уйти.

Оказывается, это Илона меня потеряла, а я, вообще про неё забыла, хотя видела неотвеченные вызовы на экране.

Руководительница Ундины, тут же сыплет предположениями, думает, будто я сплю день и ночь или опять забыла поставить телефон на зарядку.

Интонация моментально меняется, когда она узнаёт, что я улетела на север.

– Я знала, что так будет. Стоило Игорю поманить тебя и ты всё бросила, помчалась к нему, как преданная собачка, – со злой усмешкой выдаёт Илона и я понимаю, что мою версию случившегося, она слушать не собирается. – Ты очень скоро вспомнишь мои слова, когда поймёшь, что Игорю насрать на твои таланты и желания. Вот увидишь, он захочет, чтобы ты принадлежала ему полностью.., – скидываю вызов, прерывая её, потому что не в силах переваривать весь этот бред.

На эмоциях, хочется позвонить своей благодетельнице и спросить, кто дал ей право лезть в мою личную жизнь.

Несколько минут смотрю в одну точку, а потом вношу но-

мер Илоны в чёрный список.

Возвращаюсь в палату, чтобы взять пуховик. Мне нужно срочно проветрить голову, потому что я выбешена до предела.

– Нике, наверное, лучше ночевать не в больнице? – Никита Михайлович задаёт наводящий вопрос Игорю, будто меня нет в палате.

– Вы, можете спросить прямо у меня, я знаю, что для меня лучше, – с вызовом отвечаю, стоя у двери. Вдруг вспоминаю, как он не разрешал мне приезжать к Лёшке. Сейчас кажется, что если уйду отсюда, то обратно наш доктор меня не пустит. – Я останусь здесь, а то вдруг Игорь снова потеряет сознание, что вы тогда делать будете? – интересуюсь, даже не думая скрывать сарказм. Вижу, как доктор сжимает челюсти и отводит взгляд. Значит мои слова достигли своей цели и я испытываю, что-то похожее на удовлетворение.

Не ушла сразу и отыгрываюсь теперь, на первом, кто под руку подворачивается.

Игорь смотрит на меня с любопытством, будто только что разглядел, да я и сама себя не узнаю.

Знаю, что мне стыдно должно быть, но в голове совсем другие мысли.

Молча перевожу взгляд в сторону кровати и вижу улыбку на любимом лице.

Подозрительно смотрю в ответ и жду, что Игорь начнёт уговаривать меня, поехать в более удобное место.

– Ника, а ты в Краснодаре анализы сдавала? – неожиданно спрашивает он. По-крайней мере я приготовилась совсем к другому разговору.

– М-м, нет, во вторник надо было ехать в клинику, – отвечаю озадаченно и не спускаю глаз с заботливого папаши, потому что всё ещё жду подвоха.

– Михалыч, Ника беременная, так что надо её обследовать здесь. Сделай так, чтобы у неё обмороков больше не было. Ну и, вообще, пусть остаётся, если так хочет, – от меня не ускользает, как Игорь давит доктора взглядом.

– Оу, я вас поздравляю, – отзывается весело, игнорируя его выразительные послылы глазами. – Надеюсь, красавица, ты ещё не успела поесть? – интересуется с улыбкой врач. Я отрицательно кручу головой в ответ, потому что уверена, что голодная. – Тогда, пошли, – берёт меня за руку, чуть выше локтя. – Кровушку начнём качать, прямо сейчас, – выводит меня в коридор.

Заводит в кабинет и говорит медсестре, чтобы она взяла у меня кровь.

По окончанию процедуры, тянет меня за руку в другой конец этажа и снова открывает дверь, какого-то кабинета.

– Чаем хочу тебя напоить, у меня бутерброды остались, – отвечает Никита Михайлович на мой удивлённый взгляд. – Завтра с гинекологом тебя познакомлю, раз уж ты здесь остаёшься, – говорит примирительно, включая чайник.

– Зачем? – спрашиваю настороженно.

– Затем, что они лучшие друзья беременных девушек, – усмехается и смотрит на меня поверх очков. – Как ты себя чувствуешь? – задаёт дежурный вопрос, внимательно за мной наблюдая.

– Физически, вроде бы сносно, но с нервами у меня явно, что-то не то, – признаюсь честно, опуская глаза в пол. Именно сейчас стаёт неудобно за своё поведение в палате у Игоря. – Вам вот тоже нагрубил, извините, – каюсь, понимая, что была не права.

– Не переживай, я не обидчивый, – получаю я прощение тут же. – Ты, наверное, уже знаешь, что это гормоны так перестраиваются? – повторяет он знакомый диагноз, и я опять не сдерживаясь ухмыляюсь.

– И что мне делать? Мною, как будто управляет, кто-то, помимо воли, – выдвигаю претензию, хотя Никита Михайлович, точно ни причём. Он даже не по моей части, хирург потому что.

– Однозначно предсказать невозможно, но в любом случае, как только родишь, это закончится, – так себе утешение.

– Ну да, если я к тому времени совсем не свихнусь, – с тяжёлым вздохом выдаю совсем нешуточные опасения. С грустью доедаю бутерброд, запивая чаем и встаю, собираясь уйти.

– Подожди, Ника, – окликает меня доктор. Пишет, что-то на листке, потом протягивает мне. – Вот эти витамины попробуй, они очень действенные, – заверяет. – Если не по-

могут, то хуже не будет. Они не вредные, – объясняет, когда натывается на мой сомневающийся взгляд.

– Спасибо вам, – выхожу из кабинета и плююсь на листок, пытаюсь сосредоточиться.

Останавливаюсь у входа в палату и недоверчиво разглядываю Игоря, который сидит на кровати, одетый в футболку и треники, разговаривая по телефону.

Сейчас кажется, что мне приснился кошмар и он не лежал, ещё совсем недавно, без сознания в кислородной маске.

Замечая меня, спускается с высокой кровати и идёт в мою сторону. Только его сильная хромота на правую ногу, напоминает о ранении.

– Нормально всё или нет? – спрашивает, наклоняясь ко мне и заглядывая в глаза. Поспешно киваю в ответ, чувствуя, как моё дыхание учащается, потому что Игорь слишком близко.

– А тебе можно встать? – задаю вопрос по большей части, чтобы скрыть своё смущение.

– Нет, конечно, – отвечает усмехаясь. – Но это по мнению Михалыча. Ему дай волю, будет держать меня в койке, ещё месяц, хотя мне повезло, ранения непроникающие, – пока говорит, смотрю на его губы. Вижу, как они растягиваются в едва заметной улыбке и понимаю, что он обнаружил моё залипание.

Из туалета выходит Рома и безжалостно ломает, нашу хрупкую атмосферу намечающегося интима. Я тихо взды-

хаю, стараясь скрыть разочарование.

– Сходишь с Бодрым в кафе, поешь, – сообщает, притягивая к себе.

– А ты? – поднимаю лицо вверх и получаю поцелуй в нос.

– А я буду наслаждаться больничными блюдами, – отвечает с натянутой улыбкой.

Такое ощущение, что Игорь пытается обходить острые углы, даже там, где их нет.

После кафе захожу в аптеку за витаминами и в торговый центр, скорее развеется, чем за покупками.

Обратно в палату возвращаюсь, примерно через полтора часа.

Изменения, в виде дивана и маленького холодильника, пристроенного прямо на столе, трудно не заметить.

– Прикинь, я тебя потерял, позвонил, но оказывается мой номер забаненный, всё ещё, – в интонации Игоря упрёка не улавливаю, там, что другое, ему вообще не свойственное.

Молча вытаскиваю телефон и скидываю пуховик, но тут же останавливаюсь. Поднимаю на него глаза и внутри очень надеюсь, что этот мужчина был сильно занят, когда я пыталась дозвониться. Вспоминаю, как мне было плохо без него, а он не ответил.

– Я даже Бодрому звонил несколько раз, но он отказался набирать тебе, сказал, чтобы я сам разруливал свои заморочки, – усмехается, глядя на меня не весело.

Держу гаджет перед собой и пытаюсь сломать в себе, ту

бронь, которая запрещает доставать Игоря из чёрного списка, без оснований и его ответов.

– Просто, скажи, что ты был на, какой-нибудь важной встрече и поэтому не взял трубку, – прошу и вижу, что он отрицательно крутит головой, не соглашаясь на дозволенный обман.

– Если бы я тогда услышал твой голос, то отправил бы всё нахрен, и в тот же день прилетел бы к тебе, – поджимаю губы, сожалея, что этого не случилось. В тот момент, для меня, даже такое признание, дорогого бы стоило, а сейчас от него больно в груди. – А мне нельзя было, я бы людей подставил, – намного тише добавляет Игорь.

– Понятно, – тыкаю по экрану, но ничего не вижу, слёзы застилают глаза.

– Ника, прости. Не плачь, больше такого не повторится, – подходит и начинает вытирать рукой моё лицо.

– Точно? – спрашиваю с сарказмом, силясь сдерживать поток из глаз. Мне обидно, что какие-то там люди, которых он не мог подвести, важней меня получают.

– Я буду стараться изо всех сил, – заверяет серьёзно, прижимая меня к своей груди.

Я тоже хочу верить Игорю, изо всех сил стараюсь, но настороженность внутри меня и ощущение, что всё это скоро закончится, никуда не исчезают.

Поведение его непривычное, и это ещё слабо сказано. Не приказывает, не спорит и даже пытается угодить, и это пуга-

ет, ещё больше.

Догадываюсь, конечно, что это всё из-за ребёнка, а хочется, чтобы и из-за меня тоже, ну хоть немного.

– В холодильнике есть еда, хочешь? – предлагает через пару минут, слыша, что я успокоилась.

– Нет, – утыкаюсь в его футболку, пряча улыбку. Думаю о том, что с самого начала, Игорь только и делает, что пытается меня накормить.

– А чё хочешь? – поднимает моё лицо вверх, за подбородок.

– В душ, – отвечаю после нескольких секунд раздумий.

– Вперёд, – освобождает меня от объятий, своей единственной здоровой руки. – Белое полотенце, тебе, – инструктирует вдогонку.

Чуть горячеватая вода расслабляет и после душа меня жёстко клонит в сон. Если признаться самой себе, то по моим меркам, за последние пару суток у меня серьёзный недосып, да ещё в перемешку со стрессом.

Натягиваю на мокрое тело трусики от спортивного костюма и футболку, естественно без лифчика. Полотенце наматываю на волосы.

Не успеваю выйти из двери, как тут же ловлю на себе взгляд Игоря. Оказывается, я всё ещё безошибочно могу определять, что значит, когда его глаза так темнеют.

Понимаю, что смотрит он на мою грудь, соски которой затвердели и выделяются через ткань футболки.

Прохожу мимо кровати, делая вид, что ничего не замечаю. Диван с самого начала разобран и одеяло с подушками сложены в углу.

– Давай, помогу, – предлагает, когда я расстилаю простынь.

– Чего сможешь? – переспрашиваю, хмурясь, уже догадываясь, чем именно закончится его помощь.

– Не знаю, пододеяльник надеть, – уточняет ненавязчиво.

– Блин, если я буду возиться с постельным, то точно стоя усну, – признаюсь честно и слышу его приглушённый смех.

Залажу под одеяло и засыпаю практически сразу, не успевая даже подумать ни о чём.

Глаза открываю, когда за окнами уже темно, а в палате горит тусклый светильник.

Игоря нет ни на кровати, ни в туалете.

Чищу зубы, пью сок и снова ложусь на диван. Прислушиваюсь к звукам в коридоре и опять нечаянно засыпаю.

Сквозь поверхностный сон, чувствую на лице его дыхание и сразу открываю глаза. Пахнет кофе, сигаретами и дорогим мужским парфюмом, это его запах я ни с чем не перепутаю.

– Привет, засоня, – говорит прямо в губы и не давая ответить, накрывает мой рот поцелуем.

Дышу часто и рвано, пойманная его губами врасплох. Игорь стоит перед диваном на коленях, вернее на одном колене и держит меня правой рукой за шею.

– Капец, как хочу тебя, Ника. Нам можно? – спрашивает,

пытливо глядя мне в глаза.

– Не знаю, мне, вообще-то, завтра к врачу, – вспоминаю про гинеколога.

– Поможешь мне? – откидывает одеяло в сторону, и я напряжённо наблюдаю за его движениями.

– А вдруг мне нельзя? – слышу, как дрожит мой голос, только скорее уже от возбуждения, чем от страха. Игорь накрыл ладонью мою грудь, задирая футболку, а сосок второй втянул в себя и обводит во рту языком.

Глава 8. Игорь

Как выясняется вскоре, у всего есть обратная сторона. Хотя по раскладу, ничего не может омрачить моё возвращение в этот грешный мир. А если учесть, что Ника оказалась рядом, да ещё и беременная, то можно считать что жизнь удалась, потому что счастья привалило выше крыши.

И всё же отчуждённость этой красивой девочки, режет глаза, да она её особо-то не скрывает. Смотрит подозрительно, типа ждёт от меня опять, какой-нибудь подставы и это убивает.

В синих глазах чётко читаю обиду и недоверие ко мне, а ещё там куча вопросов, на которые я уже заранее не хочу отвечать.

Сознательно опускаюсь до обещаний и вру без зазрения совести. Пусть у Ники остаётся иллюзия, что она может ходить, куда вздумается, но на самотёк пускать её передвижения я не собираюсь. Поэтому после кафешки, за ней Юра, охранник мой ходил и периодически отзванивался.

Ещё месяц назад я даже представить не мог, что синеглазка умеет быть упёртым бараном, до такой степени. Теперь даже кажется, что я с ней заново знакомлюсь.

Одно радует, что Ника не согласилась уходить, когда Михалыч намекнул, типа ей в палате не удобно. Кусанула аж доктора нашего, хотя это может тоже, из духа противоречия.

В Москву я отзвонился, когда Бодрый из кафе вернулся. Сначала с Прохором разговаривал, потом Пахану набрал.

Главный смотрящий, конечно удивился, когда услышал меня, но радости в голосе, по поводу того, что я живой, не распознал. Он коротко сообщил, что будет в нашем городе, завтра вечером и не прощаясь скинул вызов.

Нагнетать не хочется, я же не истеричка, но надежда, по ходу, умерла во мне, так и не родившись.

Пахана я плохо знаю, мы с ним не пересекались. Он появился пять лет назад, заменил предыдущего авторитета, которого в тачке подорвали.

Отталкиваясь от крайностей, катаю, что вряд ли меня замочат, прямо здесь, в палате. Хотя это может случиться в любой момент, после того, как наш разговор состоится.

Бодрый, всё понимает без слов, сразу даёт по телефону команду, чтобы усилили охрану возле больницы и на этаже.

Начинает казаться, сука, что это, вообще, никогда не кончится. Психую, пиная здоровой ногой по тумбочке. Полторашка со стаканом летят с грохотом на пол.

– Нику, давай к Лёхе увезу, – предлагает лысый, никак не комментируя мой выпад.

– Позже, её ещё подготовить надо, – отвечаю, изо всех сил пытаюсь успокоиться.

Сегодня решить, всё равно ничего не получается, сначала надо услышать от Пахана приговор, который он мне вынесет. Даже если он будет озвучен не на прямую, а “между строк”.

Как только появляется синеглазка, переключаюсь на другую волну. Туда, где реальная жизнь, с обидами её и упёртыми капризами, а не вот это вот всё.

Опускаюсь до примитивных подкатов и мне ни хрена не стрёмно, когда предлагаю ей с пододеяльником помочь. Ну, точно, одной рукой, как раз!

Надо отдать Нике должное, потому что отъезжает снисходительно, мне даже смешно стаёт, только не над ней, а над собой. Жалеет меня, скощуху сделала.

Своими глазами наблюдаю, как она мгновенно засыпает и завидую по-белому, такой способности.

За то время, что Ника спит, я все дела успел переделать.

Иду к Михалычу, беру ключ от палаты, чтобы никто не разрушил мои планы и не вломился к нам. Заодно в процедурном делают обезболивающий, который назначен на поздний вечер.

Дремлю пару часов, потом ухожу в коридор, чтобы ответить на Серёгин звонок.

Дичь, конечно, но я даже успеваю соскучиться по ней. Не выдерживая такого марафона по сну, встаю перед диваном на колени, но опираюсь только на одну ногу.

– Привет, засоня, – говорю прямо в губы и не давая оклеветаться, сразу целую.

Сначала думаю, что мог напугать синеглазку, замечая, как она часто дышит, а когда понимаю, в чём причина, притягиваю её к себе ближе за шею.

– Капец, как хочу тебя, Ника. Нам можно? – спрашиваю, впиваясь в неё, пока только глазами. Хотя едва сдерживаюсь.

– Не знаю, мне завтра к врачу, – отвечает растерянно.

– Поможешь мне? – пытаюсь перетянуть её в сообщники.

С нетерпением откидываю одеяло, а Ника внимательно следит за моей рукой.

– А вдруг мне нельзя? – отчётливо слышу, как голос её дрожит от возбуждения и для меня это практически разрешение к действию.

Понятно, что никакого врача я не брал в расчёт и хотел всё сделать по-другому. Но и это для меня не облом, а просто, небольшая корректировка планов.

Добираюсь правой рукой, до заметно увеличившейся груди, а второй сосок, ртом, втягиваю в себя. Слышу стоны и начинаю опускать руку вниз, наслаждаясь прикосновениями к её нежной коже.

– Немного кайфу, ещё никому не повредило, – отвечаю на вопрос, неохотно выпуская сосок изо рта.

Сглатывает и хватает меня за руку, останавливая.

– Маленькая, я буду очень осторожным, – обещаю, инстинктивно догадываясь, откуда у её страха ноги растут.

Хмурясь, думает несколько секунд и всё же позволяет забраться к ней под плавки.

Пробираясь пальцами между ног, не удивляюсь, что синеглазка там уже мокрая.

Стягиваю с неё трусики и чувствую, как тонкие пальчики

сжимают мои волосы на затылке.

Запускаю сразу два пальца и заглушаю стоны поцелуем.

В голове проскальзывает мысль, что мне самому-то сейчас, не так уж сильно много надо, чтобы кончить.

Забираюсь на диван так, чтобы Ника оказалась с правой стороны. Чувствую, как здоровая нога трясётся от напряжения.

Жду, пока она оклемается от оргазма, потому что всё ещё вздрагивает, а я прижимаю её к себе, одной рукой.

В любой другой ситуации, я бы подождал инициативы от синеглазки. Или перетерпел бы, дожидаясь момента поудобней.

Вот только завтрашний вечер может всё усложнить и это ещё при хорошем раскладе.

Короче, хрен знает, куда кривая выведет, после тёрки с Паханом.

Беру Нику за руку, когда она тянется к футболке. Не хочу, чтобы она одевалась. Её голое тело – отдельный вид удовольствия. Особенно сейчас, с набухшими грудями.

Настороженно косится на дверь, типа только сейчас вспомнила, что сюда могут войти.

– Там закрыто на ключ, – успокаиваю. Кладу её руку на свой пах, не спуская глаз с красивого лица.

Отдёргивает ладонь. В синем взгляде ловлю замешательство и смущение.

Не настаиваю больше. Сжимая челюсти, пытаюсь пережить облом.

Никак не комментирую и продолжаю разглядывать изменившиеся изгибы тела, которые заметно округлились. Совершенными практически стали.

Вдруг Ника тянется ко мне. Задерживаю сбившееся дыхание, чтобы не спугнуть.

– Сними, – просит, взявшись за футболку.

Мне дважды повторять не надо и я освобождаюсь от всей одежды.

Берёт несмело член в руку и переводит взгляд на меня.

– Ника, сожми сильней. Не бойся, – пытаюсь говорить ровно. Но от её прикосновений, возбуждаюсь ещё больше и дышу рвано.

Накрываю хрупкую руку своей ладонью и делаю пару движений. Показываю, как надо.

Наклоняю её, к себе за шею и сразу же углубляю поцелуй. Моя выдержка даёт сбой, поэтому прелюдия отменяется.

Синеглазка, конечно, способная ученица, но только руки, мне мало. За эти две-три минуты, я раз пять порываюсь её тормознуть и усадить на себя верхом. Хочу войти в неё, но обламываюсь.

Чувствует, когда я ловлю приход и останавливается сама. Кисть не разжимает.

Кончаю, утыкаясь в её волосы и вдыхаю знакомый аромат.

– Принеси полотенце, – чмокая Нику в припухшие губы, наблюдаю, как она рассматривает свою руку, в моей сперме. – Всё нормально? – спрашиваю, перетягивая внимание

на себя.

Кивает и уходит в ванную. Через минуту уже протягивает мне полотенце.

Натягиваю боксеры и вырубаюсь.

Просыпаюсь от того, что Ника дёргает меня за руку.

– Игорь, – слышу её голос и сразу подрываюсь. Настороженно смотрю на неё.

– Случилось, чё-то? – спрашиваю, вглядываясь в лицо си-неглазки.

– Уже нет, – начинает отъезжать и это напрягает ещё сильнее.

– Ника, говори, – говорю хриплым голосом, спросонья.

– Я испугалась, просто, – объясняет заикаясь.

– Чего? – всё ещё не доходит до меня.

– Подумала, а вдруг ты снова сознание потерял, – отвечает приглушённо.

– Давай, ещё поспим, – укладываю её, на своё плечо, решая, не разводить эту тему.

Глаза открываю, от тихого стука в дверь. Натягиваю треники, прихватывая футболку с собой и открываю.

– Как дела? – интересуется Михалыч. – Ника проснулась? – пытается зайти в палату, но я его выпихиваю, натягивая на ходу футболку.

Предупреждаю настырного доктора, что не дам будить си-неглазку.

Ещё сообщаю, что вечером ко мне приедут очень важные

люди.

Через пару часов движуха уже начинается в полный рост.

– Как всё прошло? – спрашиваю Нику, усаживая рядом с собой на диван. Она вернулась от гинеколога и я не в курсе, что значит это недовольство на её лице.

– Прошло и ладно, – отвечает расплывчато.

– У нас всё норм? Или уже надо начинать беспокоиться? – захожу с другой стороны.

Не получая внятного ответа, я иду к Михалычу, узнать, в чём дело.

Он звонит своей коллеге и просит подняться к нему в кабинет.

Женщина, на вид около пятидесяти, имя которой я даже не пытаюсь запомнить, уверяет, что у Ники всё отлично, как и у ребёнка.

На мой озадаченный вид, отвечает предположением.

Оказывается синеглазка ненавидит гинекологическое кресло, а лезть на него всё равно пришлось.

Михалыч предлагает мне трость, когда врачаха уходит. Отказываюсь, оговариваясь, что потом заберу.

Он делает понимающий фейс, решая видимо, что я комплекую перед Никой. Я не спорю и не переубеждаю.

На самом деле собираюсь изобразить перед Паханом, типа пострадал больше, чем есть. Вряд ли меня это спасёт, если чё, но отмаза лишней не будет.

– Лёха знает, что ты в городе? – интересуюсь невзначай.

– Ну да, я ему звонила, – отвечает удивлённо Ника.

В памяти всплывает, как мы в прошлый раз хреново расстались. Теперь думаю, что мне, как-то надо уговорить её поехать к брату, но не обидеть ещё больше.

Мы обедаем вместе, доставкой из ресторана.

– Ника, мне надо, чтобы ты к вечеру уехала отсюда, – говорю, накрывая её руку своей.

– Зачем? – снова в синих глазах подозрение и недоверие. Обречённо понимаю, что придётся объяснять подробнее.

– Ко мне из Москвы приедут, – поднимаю взгляд и догадываюсь, что сейчас она завалит меня вопросами.

– Я могу, где-нибудь подождать, – предлагает вариант, который нам, вообще не подходит.

– Мне надо, чтобы тебя никто не видел, – начинаю выкручиваться.

– Это то, о чём мне Рома говорил? Тебе опять, что-то угрожает? – спрашивает дрожащим голосом.

– Нет, конечно. Бодрый делов не знает, вот и наговорил тебе дичи всякой, – пытаюсь придать тону незамороченности, но получается так себе.

– Ты врёшь, – сжимает губы и отворачивается.

– Отвечаю, Ника, я разберусь во всём и утром уже приеду к тебе, – в эту минуту, больше всего на свете хочу, чтобы это утро, где я хрен знает, как разобрался, настало прямо сейчас.

Глава 9. Игорь

Ника парит мозги до талого. То одно забыла, то другое.

Мы с Бодрым, откровенно нагруженные, наблюдаем молча, за её суетой. Где-то в глубине подсознания, я практически уверен, что так должно быть.

Попробуй скажи, хоть слово, этой сопящей девчонке и она зацепится за него, как за причину, чтобы остаться.

Наконец синеглазка натягивает на себя пуховик и смотрит на меня таким взглядом, типа ждёт, чтобы я остановил её.

Матерюсь про себя, самыми грязными ругательствами, проклиная весь преступный мир. Тут же, зачем-то думаю – хорошо, что моя мать не знает, как я умею лаяться. Короче, в голове хаус.

– Пока, – пытаюсь изобразить улыбку, зная заранее, что не дождусь ответа.

Пялюсь на закрытую дверь, наверное, целую минуту. Разворачиваюсь и обвожу взглядом палату.

Диван собран, одеяло с подушками унесли к Михалычу в кабинет. Как если для больнички, то всё выглядит вполне цивилизно, а на остальное похрен.

Всерьёз думаю, чтобы позвонить Михалычу и попросить поставить мне капельницу. Для усиления образа больного, но потом обламываюсь.

Вечер, понятие растяжимое, они же не сказали во сколько

точно приедут. Поэтому я забираюсь на свою койку. Укрываюсь тонким одеялом, лежу и смотрю в потолок.

Вместо того, чтобы придумывать, какую-нибудь жизнеспособную отмазку для Пахана, я продолжаю думать о Нике.

Даже если она опять обиделась, то сейчас это мелочи, которые я не считаю проблемой. Как только разберусь, сразу к ней рвану и мы помиримся.

Усмехаюсь своим мыслям. Понимаю, что синеглазка с Бодрым, скорее всего, ещё из здания больницы не успели выйти. Зато я уже к ней собрался.

Задумчиво шарю глазами по белым стенам. На звук открывающейся двери не реагирую. Решаю, что это Михалыч или медсестра пришла укол ставить.

– Клим, братан, ты как? – слышу голос Прохора и резко поворачиваю голову в его сторону.

Первое, о чём я догадываюсь, это то, что они стопудово пересеклись с лысым и Никой, где-нибудь в коридоре.

– Живой, вроде, – отвечаю и цепляю глазами Пахана.

Сталкиваюсь с его тяжёлым взглядом, но смотрю дальше, не прерывая зрительный контакт.

Хочу, чтобы столичный смотрящий, прямо здесь и сейчас начинал осознавать, что не стоит на меня давить, угрожая например Никой. Это очень плохая идея.

В запаре забываю про больное плечо и порываюсь опереться на левую руку.

– Э-э, давай, без героизма, – хмурясь, предупреждает Се-

рёга, глядя, как я со стоном, падаю обратно на подушку.

Стискивая зубы от боли, сажусь в кровати и протягиваю ему ладонь, чтобы поздороваться. Забываю про свои планы, изображать потерпевшего.

Пахан неторопливо скидывает пальто на диван и тоже идёт ко мне.

– Я смотрю с тобой шутки шутить не собирались? – показывает головой, на моё левое плечо. – На глушняк валить хотели, да промахнулись? – намекает, что целились в сердце. Жмёт руку, но не уходит. Сверлит взглядом, видимо ждёт ответа.

В этот самый момент, в моей памяти всплывает картинка, где лысый прикрывает меня собой и толкает левой рукой, стоя полубоком.

– Не промазали, близкий прикрыл, – уточняю.

– Повезло тебе, – в интонации Пахана улавливаю, что-то типа зависти и не могу врубиться, в чём прикол.

– Да уж, я по жизни везунок, – усмехаясь, я сдерживаюсь, чтобы не начать перечислять “самые яркие” эпизоды моей удачливости.

– Ты не в курсе, наверное, – садится на диван и закидывает ногу на ногу. – Моего близкого убили, башку ему на разборках прострелили. Как раз за день до вашей стрелки с этим сосунком, – поясняет Паша и смотрит на носок своего туфля.

Только сейчас я замечаю, что он в чёрной рубашке и ко-

стюм тоже на нём чёрный. Значит в трауре, по Оспе.

– Мои соболезнования, братан, – произношу заторможенно, не скрывая, что в шоке, от его новости.

– Оспа, почему-то считал, что раз он, моя правая рука, то пули должны его облететь. Но пуля – дура, – возможно у меня с головой, чё-то не то, но я чётко слышу неприкрытый намёк.

Перевожу взгляд на Прохора, но он сидит с непробиваемым фэйсом.

Молчу и уже начинаю думать, может Пахан мне тоже смерть предскажет. Ну так, за косяки мои, чисто между делом.

Теперь мне уже не чудится, я почти уверен, что это он Оспу приговорил. Не захотел позориться на весь криминальный мир, просто убрал его. Не сам, конечно, но не в этом суть.

Представляю себя, на месте Паши, а Бодрого ставлю мысленно туда, где Оспа был и мне сразу удавиться хочется.

Сейчас я вполне согласен, что мне повезло.

Успокаивает одно – я точно знаю, что Бодрый лучше пошее от меня получит, чем наворачивать, какие-то делишки станет за моей спиной.

– Так я не понял, ты нахрена попёрся на эту стрелку? Да ещё в лес? – спрашивает с наездом Паша и косится на Серёгу.

– Прикинь, это чучело обдолбаное, вдруг решил бы меня,

где-нибудь в городе замочить? Ему точно было бы насрать, что он может, кого-то левого зацепить. Это Бодрый в курсе, что со мной рядом находиться опасно. Но это его выбор, – говорю, как есть, понимая, что самый главный смотрящий, прилетел на “край света”, только из-за меня.

– Да он и Ромку хотел ко мне в Москву отослать, – сдаёт меня Прохор с потрохами. – Я во время чухнул, что Бодрый пошлёт меня, куда подальше, поэтому и не стал тогда, ничего ему говорить, – добавляет, не глядя на меня.

– Я не понял, чё за хрень, Клим? – его брови стремятся к переносице. Пахану явно не нравится то, что он сейчас слышит. Сжимаю челюсти и кошусь на Серёгу. – Рассказывай, давай. Всё, с самого начала, я никуда не тороплюсь, – показательно садится в свободное положение и смотрит настырно, в ожидании трешовой истории.

Пока ещё, я не чувствую себя, как на допросе, но и “амнистией”, даже близко не пахнет.

– Сухаря знаешь? – спрашиваю, отключая все свои эмоции. Разговаривать будем хладнокровно и только по делу. Мне не нужно снисхождение.

– Ну так, слышал вроде, чё-то, – отвечает расплывчато, явно не врубаясь к чему я веду.

– Короче, мы с Богданом, на зоне вместе сидели, он в карты играл, – вкратце пытаюсь нарисовать портрет, бывшего владельца “Зажигай”. Заодно и причину по выразительнее расписать, нахрена я, вообще, во всё это влез. – Катало он

был здоровый, за долги никого на ремни не резал и на проценты не ставил. Вобщак отстёгивал с каждого выигрыша, да и тут на свободе платил исправно, – сознательно-нудно перечисляю все заслуги Сухаря, перед преступным миром. Пахан должен понимать, что я не мог не помочь ему. – Нормальный он чувак, но встрял по-крупному. Проигрался конкретно в подпольном казино и не единожды, – снова поясняю. – Вот и позвонил мне, по весне, предложил выкупить у него стриптиз-клуб, хотя покупатель другой, сразу нашёлся. Клубешник раскрученный, самое популярное место в городе у молодёжки, – пока включаю “заставку”, из дежурных слов, думаю, как обойти упоминание о Нике. – Пять секунд, – предупреждаю и беру телефон.

Звоню Бодрому, чтобы узнать, где он.

Оказывается лысый уже оставил синеглазку у Лёхи и едет обратно в больницу.

Говорю ему, чтобы заехал в гостиницу и в ресторане сказал кашеварам, пусть чай покрепче заварят.

Чифир для нас, бывших арестантов, как трубка мира для индейцев.

Конечно, я уже давно не сижу так плотно на чае, как к примеру раньше на зоне было. И всё же частенько бывает, что на движухе, пересаживаюсь на чифир, если уже кофе не берёт, когда надо не спать.

– Нахрена Сухарь тебя дёрнул? Слил бы свой клуб, этому “Зёме” и катать сейчас, было бы нечего, – хмыкает недо-

вольно Пахан.

– Богдан всё правильно сделал, разумно поступил. Отдал злачное место в надёжные руки. Это я всё на самотёк пустил, – цокаю языком, каясь прилюдно.

– В смысле? – хмурится.

– Я несколько месяцев в этом клубе не показывался, после того, как он моим стал, – признаюсь честно. – А другим претендентом, кстати, на покупку “Зажигай”, был Михей. Тот самый, который стрелял в меня, – наконец произношу и наблюдаю за реакцией столичного авторитета.

– Был он у меня в Москве, но я не воспринял всерьёз слова этого мажора, – вид у Паши откровенно охреневший. – Папиком своим, заммэром, прикрывался, как щитом. Я ещё подумал тогда, что синтетика, это не то, что ранишный герыч. От разноцветных таблеток, сосунок, вообще связь с реальностью потерял, раз решил, что может за свои сраные бумажки, смотрящим здесь стать, – говорит оправдывающимся тоном. – Я даже деньги его сраные не взял, чтобы общак не замарать. Отмахнулся тупо, – теперь в голосе чётко слышится сожаление, потому что понимает – недооценил он торчка. – А про тебя сказал, что.., – в этот момент дверь в палату открывается и в проёме появляется Бодрый с пакетом в руках.

Мы троём наблюдаем, как он проходит к столу и вытаскивает термос.

– Ромыч, спасибо, – говорю, сползая с кровати. Он смот-

рит на меня недоверчиво. – Давай, дальше мы сами, – подхожу к столу и сам вытаскиваю кружки. Не хочу, чтобы лысый тут, как шнырь воспринимался. – Метнись к Михалычу, он мне трость обещал. Притащи, а? – озадачиваю, чтобы он здесь не метлесил.

– Щас, принесу, – направляется обратно к двери.

– Ну и чё там, про меня Михей сказал? – напоминаю Паше тему прервавшегося разговора.

– А да. С понтом вы с ним биксу, какую-то не поделили. Типа шлюху клубовскую, – смотрит вопросительно.

Глава 10. Игорь

Далеко не сразу я догадываюсь, что сейчас речь идёт о Нике.

Потом хрен знает сколько, таращусь в стену, как глушённый судак.

Можно сказать, что я потерял нить разговора, но мой мозг упорно ищет выход.

Включаю внутреннюю медитацию, тоже хрен знает, откуда она во мне взялась. Напоминаю себе, что неадекватное лицо психа, этим двоим, никак показывать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.